

Петр Валентинович Романов
Россия и Запад. От Рюрика до Екатерины II
Серия «Тайны истории (Амфора)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11807982
Россия и Запад: От Рюрика до Екатерины II : Амфора; СПб.; 2015
ISBN 978-5-367-02793-8, 978-5-367-03833-0

Аннотация

Эта книга писателя, публициста и политического обозревателя Петра Романова позволяет проследить становление отношений между Россией и Западом с древних времен до периода правления Екатерины II.

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	7
Пират в роли повивальной бабки	8
У истоков русской торговли и дипломатии. Зачем князь Олег на Царьград ходил	12
Святой Владимир отказывается от гарема, но не от вина	15
Киев и Новгород. Южные и северные ворота в Европу	21
Новгород: неудачный побег в будущее	25
Иван III определяет внешнеполитическую стратегию Москвы	28
Идеальная невеста: византийская сирота с двуглавым орлом в приданое	30
Путь на Русь широк, а из Руси узок	32
«Государю нашему до вашей веры дела нет»	36
Русские, шведы, поляки, ирландцы, итальянцы и прочая «неотесанная» компания	39
Часть вторая	43
Прорыв блокады. Иван Грозный делает ставку на Англию	45
Как «невежда в политике» переиграл польского короля	47
Первый идейный контакт. Иван Грозный и Ватикан	50
Вопросы власти. Иван Грозный, Бомелий и Макиавелли	53
«Разум самовластен, стесняет его вера!»	57
Ересь как двигатель прогресса	60
«Ах, герцог Ганс, утешение мое!»	62
Смута. Гости в роли хозяев	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Петр Валентинович Романов Россия и Запад: От Рюрика до Екатерины II

© ООО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2015

*Каждый англичанин приезжает в Россию русофобом, а покидает
ее русофилом.*

*Маркиз Джордж Натаниел Керзон, вице-король Индии, министр
иностраннных дел Великобритании*

Предисловие

Отношения России и Запада никогда не были ни равными, ни простыми. Периоды сближения неизменно чередовались с периодами охлаждения и даже враждебности. При этом Запад обычно ставил в упрек «варварской» России нищету материальную, а русские обвиняли «варварский» Запад в меркантилизме и нищете духовной. Этому спору о главном, то есть о жизни и душе, уже много веков, и непохоже, что он закончится завтра.

Между тем за очередным отливом обязательно следовал прилив, и русские, догоняя прагматичную Европу, а позже и североамериканцев, начинали перенимать западные изобретения, комфортный быт и отчасти идеи. Не всегда последовательно и не обязательно толково. В свою очередь западные интеллектуалы, стараясь разобраться в «загадочной» русской, а заодно и в своей собственной душе, зачитывались Достоевским и Чеховым, а наиболее смелые из них даже пускались в путь по убийственному лабиринту российской общественной мысли, пытаясь, чаще всего безуспешно, проникнуть в противоречия русских интеллигентов.

Со временем сама жизнь подсказала, что Россия и Запад во многом дополняют друг друга: уже давно замечено, что западный человек мыслит по преимуществу технологически, а русский – концептуально.

Внимательный анализ нашей общей истории свидетельствует, что взаимное влияние гораздо значительнее, чем это обычно предполагают русский и западный обыватели. Иногда это влияние было очевидным и взрывным, как, например, французская революция 1789 года или русская революция 1917 года, но чаще подспудным и медленным, хотя в конечном счете не менее эффективным.

Совместная история таит множество любопытных фактов. Подчас эта история курьезна: Иван Грозный готовил себе политическое убежище в Англии, Павел I звал главу Римско-католической церкви на жительство в Санкт-Петербург, а автор «Трех мушкетеров» Александр Дюма побывал на первой русско-чеченской войне.

Нередко та же история поучительна: в 1899 году по предложению России была созвана первая международная конференция по разоружению в Европе. Если бы идеи русского правительства тогда были приняты, XX век человечество прожило бы, возможно, иначе.

Кое-что в наших взаимоотношениях просто забыто. В США немногие сегодня помнят, что именно Россия воспрепятствовала созданию европейской коалиции, которая намеревалась вмешаться в войну Севера и Юга на стороне южан. Направление русской эскадры к американским берегам оказало Линкольну немалую помощь и сорвало планы англо-французской интервенции.

Наконец, многое забыто не случайно, а сознательно. В православной по преимуществу России не очень любят, например, вспоминать о том, что в период гонений на иезуитов, когда их деятельность была запрещена во всем мире специальной буллой папы Климента XIV, они смогли выжить лишь благодаря покровительству российских монархов. А на Западе без особого восторга вспоминают роль Красной армии во Второй мировой войне. Иначе говоря, предлагаемая читателю книга говорит и о курьезном, и о серьезном, и о забытом в отношениях России и Запада.

И еще одно. Советская империя канула в Лету. Это, однако, не отменяет того, что у соседей по-прежнему есть как общие, так и свои, частные, иногда диаметрально противоречащие друг другу интересы. Именно поэтому барометр не может постоянно показывать «ясно» в наших отношениях с Западом. Для мировой истории, как и для мирового климата, это нормально. Поэтому к набевавшему на небе очередному облаку, а порой даже к черной

туче стоит относиться тем не менее философски, поскольку и ветер еще много раз переменится, и качели истории не остановить.

Вместе с тем, чтобы не мучить зря ни себя, ни соседа, нужно для начала его хотя бы понимать. Нередко противоречия возникают лишь оттого, что в своих оценках люди используют разные мерки. Температура на улице одна, но кто-то судит о ней по шкале Цельсия, а кто-то – так уж сложилось исторически – по шкале Фаренгейта. Отсюда и разночтения. У одного выходит плюс, а у другого – минус.

Примерно так частенько бывает и у России с Западом.

Часть первая

Первые контакты. Как варвар варвара жить учил

Известные слова Пушкина о том, что Петр Великий «в Европу прорубил окно», многие и в России и на Западе воспринимают почти буквально, чуть ли не как исторический факт. Считается, что именно через это окно и проник впервые в Россию Запад, а русские, подставив лицо свежему балтийскому ветру, вдруг поняли, что сидеть в спертom воздухе своей наглухо затворенной избы нехорошо.

Напрасно. Александр Пушкин писал все-таки поэму, а не научную монографию. Да и сами знаменитые слова принадлежат, если быть точным, не ему. Поэт лишь переименовал фразу известного венецианца – графа Франческо Альгаротти: «Петербург – окно, через которое Россия смотрит в Европу».

«Смотреть» на Запад через окно действительно можно, а вот полноценно общаться нельзя. Для этого нужна открытая дверь. И она была открыта, причем задолго до Петра. Если порыв ветра, вызванного теми или иными историческими катаклизмами, эту дверь на время захлопывал, то взаимный интерес России к Западу, а Запада к России ее обязательно через какое-то время открывал вновь.

До момента основания Санкт-Петербурга в 1703 году случилось многое. Дочь великого князя Ярослава Мудрого, Анна, в 1049 году стала королевой Франции. В древнем Новгороде высилась католическая церковь Святого Петра, а новгородские «республиканцы» общались с «республиканцами» из Венеции. Московские цари издавна закупали для армии заграничные мушкеты, а для своих жен – импортное нижнее белье. Окружение Ивана Грозного, с подозрительностью наблюдая за его тесными контактами с иностранцами, даже считало царя отчаянным западником. Один из русских придворных, сообщая английскому послу о смерти своего государя, язвительно заметил: «Умер ваш английский царь».

Голландцы, немцы и англичане всю использовали преимущества русского рынка, причем уже в Средневековье считали его возможности неисчерпаемыми. Немецкая слобода – а немцами на Руси долго называли всех иностранцев – существовала в Москве издавна. Как птица феникс, возрождаясь из пепла, Немецкая слобода пережила вместе с москвичами множество страшных пожаров, Смутное время и самодурство власти. Объяснение этому может быть только одно: русским уже тогда были нужны «немцы», а «немцам» – русские.

Иначе говоря, история отношений России и Запада начинается не в Петербурге, а потому копать почву в поисках корней придется гораздо глубже.

Пират в роли повивальной бабки

Откуда вести отсчет своей истории, в России не определили до сих пор. Один из наиболее распространенных взглядов был впервые изложен членом русской Академии наук XVIII века – немцем Шлёцером. Факт сам по себе уже любопытный, как свидетельство, с одной стороны, немалого интереса Запада к России, а с другой – давнего и глубинного влияния западных ученых авторитетов на русскую общественную мысль. Этой шлёцеровской позиции затем придерживались такие корифеи русской истории, как Карамзин и Соловьев.

Согласно этой теории, до середины IX века и прихода на обширные пространства, заселенные славянскими племенами, варягов, на территории нынешней Европейской России все было дико, пусто и никаких зачатков гражданственности не наблюдалось. Такой взгляд продиктован не немецким высокомерием, а базируется на первых русских летописях, где отмечается, что славяне в те времена жили «звериным образом», каждый род врозь, враждуя между собой.

Другой взгляд на начало русской истории прямо противоположен первому и был обоснован чуть позже, в XIX веке, рядом российских ученых Московского университета. По их теории, восточные славяне обитали на Русской равнине за несколько веков до Рождества Христова и постепенно прошли долгий объединительный путь, закончившийся появлением своих собственных городов, племенных союзов и князей. Сторонники этой версии ссылаются на свои источники, и в частности на скандинавские саги, где славянские земли называются «страной городов» (Gaardariki).

Современные археологические раскопки в Новгороде, где раз за разом находят все более древние берестяные грамоты, свидетельствующие о немалом культурном развитии тогдашних новгородцев, дают сторонникам второй версии дополнительные аргументы, но окончательный вывод на основе этих находок делать, конечно, рано.

Василий Ключевский, один из выдающихся русских историков, внимательно разобрав обе версии, сделал резонный вывод: данных для объективного ответа на вопрос, какая из теорий верна, нет. И не без иронии добавил:

В историческом вопросе чем меньше данных, тем разнообразнее возможные решения и тем легче они даются.

Как бы то ни было, спор на самом деле идет даже не о периоде младенчества, а скорее о созревании плода, так что в любом случае в роли повивальной бабки при рождении Руси оказываются все те же варяги. Именно они, судя по летописям, возвели многие русские города и стали основателями первой русской княжеской, а затем и царской династии, начало которой положил варяг Рюрик.

В маленьком шведском городе Норчёпинге, откуда он якобы отправился в свое плавание, даже стоит единственный в мире памятник знаменитому бродяге. Слово «бродяга» здесь вполне уместно, если знать, что представляли собой родоначальники монаршей фамилии.

О варягах известно гораздо больше, чем о древних славянах. Русская Повесть временных лет дает общее имя «варяги» разным германским народам, обитавшим в Северной Европе, преимущественно по берегам Варяжского (Балтийского) моря, то есть скандинавам. Часть варягов под именем данов (по одной из версий – выходцы из Дании) с конца царствования Карла Великого, то есть с начала IX века, стала известна и в Западной Европе. Так там называли вооруженных пиратов из той же Скандинавии.

Хорошее представление о варягах дает биография одного из них, описанная Василием Ключевским:

Во второй половине IX века много шумел по Эльбе и Рейну современник и тезка нашего Рюрика, может быть даже земляк его, датский бродяга-викинг Рорих, как называет его Бертинская хроника. Он набирал ватаги норманнов для побережных грабежей, заставил императора Лотаря уступить ему в лен [во временное владение] несколько графств во Фрисландии, не раз присягал верно служить и изменял присяге, был изгоняем фризами, добивался королевской власти на родине и, наконец, где-то сложил свою обремененную приключениями голову. И достойно замечания, что подобно дружинам первых киевских князей эти ватаги пиратов состояли из крещеных и язычников...

Таким образом, физиономия первого пришельца с Запада, склонившаяся над колыбелью Руси, была по меньшей мере экзотической.

Вот такие гости появились в древнем Новгороде, на который летописцы указывают как на инициатора приглашения варягов. Правда, тут (если дальше идти уже не за легендой, а за фактами) произошло крупное недоразумение. Новгородцы звали варягов вовсе не на престол, а лишь для дозорной службы, то есть приглашали их как наемников, обычных «солдат-контрактников». Рюрик же готов был охранять новгородцев и все соседние племена при условии беспрекословного подчинения ему и его «управленческому аппарату». Между тем, как это обычно и случается на нашей земле с бюрократическим аппаратом, он много воровал, был не всегда компетентен, зато вел себя, судя по всему, беспардонно.

С этого и начались крупные неприятности. Читаем Ключевского:

Водворившись в Новгороде, Рюрик вскоре возбудил против себя недовольство: в том же летописном своде записано, что через два года по призывании новгородцы «оскорбились, говоря: быть нам рабами и много зла потерпеть от Рюрика и земляков его». Составился даже какой-то заговор: Рюрик убил вождя крамолы, «храброго Вадима», и перебил многих новгородцев, его соумышленников... Все эти черты говорят не о благодушном приглашении чужаков властвовать над безнравными туземцами, а, скорее, о военном найме. Очевидно, заморские князья с дружиною призваны были новгородцами и союзными с ними племенами для защиты страны от каких-то внешних врагов и получали определенный корм за свои сторожевые услуги. Но наемные охранители, по-видимому, хотели кормиться слишком сытно. Тогда поднялся ропот среди плательщиков корма, подавленный вооруженной рукою. Почувствовав свою силу, наемники превратились во властителей, а свое наемное жалование превратили в обязательную дань с возвышением оклада. Вот простой прозаический факт, по-видимому, скрывающийся в поэтической легенде о призывании князей: область вольного Новгорода стала варяжским княжеством.

Позже упорное сопротивление пришельцам, которых они-то уж точно не звали к себе в гости, оказали древляне. Можно предположить, что точно так же поступили и многие другие славянские племена, о чем умолчали наши осторожные летописцы. Правда, не исключено и то, что нужные летописи просто не пробивались к нам сквозь толщу немилосердных веков.

Общий итог противостояния тем не менее хорошо известен. Сопротивление было силой подавлено. Опытные военные дружины варягов распространяли свое влияние все дальше вокруг Новгорода, в чем Рюрику помогали два его брата – Синеус и Трувор. Карамзин пишет:

Люди, упорные в своей независимости, слушались единственно того, кто держал меч над их головою.

То есть смирение пришло не сразу, так что легко догадаться: варяжский меч на непокорные славянские головы опускался многократно.

О степени влияния варягов на славян судить сложно, но есть свидетельства, что оно было ощутимым. Так, по версии Повести временных лет, новгородцы сначала были славянами, а потом стали варягами, как бы оваряжились вследствие усиленного наплыва иноземцев. Во всяком случае, в Киеве их оказалось достаточно, чтобы набрать целое ополчение, совершившее нападение на Царьград. Еврей Ибрагим, человек, как пишут историки, «бывалый в Германии», хорошо знакомый с делами Средней и Восточной Европы, около половины X века отмечал:

...Племена севера завладели некоторыми из славян и до сей поры живут среди них, даже усвоили их язык, смешавшись с ними.

В какой степени слово «завладели» здесь уместно, можно поспорить. Летопись о том, как славяне сами попросили варягов прийти и править ими, потому что на русской земле порядка нет, известна широко. Вместе с тем, как отмечают некоторые исследователи, сказание о призвании князей не похоже на народное предание, поскольку не несет на себе его обычных признаков. Скорее всего, речь идет о типичном «политическом заказе», только древнем, то есть о попытке обосновать правомочность действующей власти. Тот же Ключевский не без юмора назвал эту легенду «схематической притчей о происхождении государства, приспособленной к пониманию детей школьного возраста». Ну а то, что в эту «притчу» и сегодня верит множество людей уже далеко не школьного возраста, свидетельствует лишь, что у нынешних политтехнологов были достойные предшественники.

Правда, однако, и то, что в отличие от Западной Европы славянские территории в те времена мало привлекали скандинавских пиратов как добыча. Эта земля использовалась как путь в богатую Византию, с которой скандинавы торговали и которую периодически грабили. Поэтому в русских летописях, в отличие от западноевропейских исторических источников, варяг предстает чаще не пиратом, а купцом и дружинником.

Кстати, именно эту маску купца ловко использовал в свое время варяг князь Олег, чтобы обмануть своих земляков Аскольда и Дира, правивших тогда в Киеве. Чтобы выманить их из города, Олег послал сказать им: «Я купец, идем мы в Грецию от Олега и княжича Игоря: придите к нам, землякам своим». В результате Аскольд и Дир попали в засаду и были не просто убиты, а убиты, так сказать, в назидание присутствующим и потомкам. Историк Николай Карамзин так описывает эту сцену:

Правитель [Олег] сказал: «Вы не князья и не знаменитого рода, но я князь, – и, показав Игоря, примолвил: – Вот сын Рюриков!»

Процесс проникновения варягов на славянские земли шел быстро. В начале XI века епископ Мерзбургский Титмар, ссылаясь на свидетельство немцев, участвовавших вместе с поляками в походе на русского князя Ярослава в 1018 году, свидетельствует, что в Киевской земле великое множество «проворных данов» (*ex velocibus danis*). Как справедливо замечают исследователи, немцы едва ли могли спутать своих соплеменников-скандинавов со славянами. Если бы поход на Киев состоялся через век-полтора после этого, то никаких «проворных данов» немцы в Киеве и его окрестностях уже бы не обнаружили: к XII веку варяги и славяне слились в одно целое и стали называться просто – русские.

Таким образом, помимо правящей княжеской элиты именно Запад, похоже, подарил русским и имя.

Вообще, сразу же оговорюсь, что любая история субъективна как в силу взглядов самого автора, так и в силу субъективности большинства используемых им источников. И летописцы грешили субъективизмом. Никуда от этого не денешься. Археология лишь помогает устранить некоторые неточности, но и она не всесильна. Поэтому и существуют версия Карамзина, версия Соловьева, версия Ключевского, версия официального учебника истории, утвержденная Министерством образования; наконец, во все времена существовала та или иная «оппозиционная» теория. Вот и я излагаю лишь наиболее распространенную среди классиков русской истории версию.

Первоначально Русью называлось то варяжское племя, из которого вышли первые князья. Затем слово получило сословное значение: так называли, согласно ряду исторических источников, высший класс русского общества, преимущественно княжескую дружину, состоявшую в основном из тех же варягов.

Позднее Русь, или Русская земля – выражение, впервые появляющееся в документе 945 года, – получило географическое значение. Так именовалась Киевская область, где больше всего и было варягов. В XI–XII веках, когда Русь как племя слилась со славянами, оба названия – Русь и Русская земля, – не теряя географического значения, приобретают и политический смысл. Так стала называться вся территория, подвластная русским князьям, со всем ее населением.

У истоков русской торговли и дипломатии. Зачем князь Олег на Царьград ходил

Когда, с кем и где впервые начали торговать русские, точно не скажет никто. Скорее всего, на берегах Черного моря, где задолго до Рождества Христова возникли сначала финикийские, а затем и милетские, то есть греческие, колонии, которые успешно торговали с окрестными племенами. Колонии покупали хлеб, кожи, шерсть, лен, строевой лес (дуб, вяз, ясень), смолу, воск и мед, а сбывали вино, оливковое масло, шерстяные ткани, одежду, глиняную посуду и различные предметы роскоши.

Далее греческие товары шли к Балтике, причем везли их как сами греки, так и славяне, занимавшие в IX веке бассейны Днестра, Днепра, Западной Двины, Западного Буга, озера Ильмень и Верхней Оки.

К этому времени восточные славяне, объединившись под княжеской властью, представляли уже грозную военную силу и начали сами во многом диктовать условия торговли и Византии, и хазарам, чьи владения мешали торговому выходу русских к Каспийскому морю. Главным защитником торговых и внешнеполитических интересов Древней Руси стал в ту пору князь Олег, прозванный в народе Вещим, то есть кудесником, волхвом, чародеем. Напомню, это он под видом купца хитростью завладел Киевом.

Первоначально Олег, князь из рода Рюриков, правил в одном из древнейших русских городов – Новгороде, а затем, собрав войско из варягов и славян, пошел на Киев, подчиняя себе по дороге различные славянские племена. Захватив Киев, Олег не раз громил хазар, а в 907 году предпринял поход на греков.

Войско состояло из варягов, ильменских славян, чуди, кривичей, мери, полян, северян, древлян, радимичей и других племен, населявших тогда древние русские земли. По словам летописца, кораблей у Олега было 2000, а на каждом корабле по 40 человек. Верить в абсолютную точность летописных исчислений, конечно, не обязательно, но даже с определенными поправками получается, что князю удалось собрать немалое по тем временам войско.

При приближении русских к Константинополю (на Руси его обычно называли Царьградом) греки заперлись в городе, а вход в гавань перекрыли. Тогда князь приказал сойти всем на берег и уничтожать на глазах неприятеля всё вокруг. Психологом Олег был действительно незаурядным. Летописи рассказывают об удивительной по тем временам военной операции. Князь велел поставить свои суда на колеса и под парусами двинулся к городу. Можно представить, какое впечатление столь необычная «психическая атака» произвела на защитников.

Современники редко задумываются над тем, ради чего велись те стародавние войны. Ответ вроде бы очевиден: ради добычи, земли, славы. Все это верно, но неполно. Даже в те далекие времена не меньшую ценность являли собой политические и торговые союзы. Наши предки были гораздо мудрее, чем мы их иногда себе представляем. Хитроумный князь Олег заставил византийцев не только заплатить огромную дань, но и подписать договор, дававший русским право торговать в Византии беспопылинно.

Летопись подробно описывает ход переговоров. Первоначальные требования русских были следующими: все, приходившие с Руси в Царьград, помимо беспопылинной торговли могли там бесплатно брать съестных припасов из расчета на месяц, мыться в банях, а для обратного пути запастись у греческого царя якорями, канатами, парусами и тому подобным.

Византийский император принял условия, но с поправкой: все эти привилегии распространяются лишь на торговых людей, а не на всех русских. Кроме того, русские должны были дать обещание не грабить окрестные села и жить в определенной части города, чтобы император всегда мог послать чиновника переписать имена вновь прибывших торговцев.

Входить в город русские должны были только через одни ворота без оружия, причем в сопровождении императорского слуги и не более 50 человек сразу.

Опасения императора были Олегу понятны, а потому без колебаний приняты. Договор по обычаю того времени скрепили клятвами. Византийцы клялись на кресте, а Олег клялся на своем оружии Перуном – высшим для него божеством. Побежденным пришлось сшить для всех кораблей Олега новые шелковые и полотняные паруса и позволить русским прибить в знак победы на воротах Царьграда свои щиты. Олег возвратился в Киев с огромной добычей: золото, дорогие ткани, экзотические для Руси овощи и фрукты, вина и украшения. А главное – договор.

Торговое соглашение 907 года фиксировало лишь принципиальные обязательства и потому нуждалось в ряде дополнений. Уже в 911 году Олег направил в Константинополь посольство, чтобы максимально детализировать договор: лишних трений русские не желали. Напротив, добрососедские отношения с Византией открывали для Руси большие возможности.

Новое соглашение – любопытный документ древнего международного права – предусматривало, в частности, следующее.

При разборе дела о преступлении следовало основываться не на слухах, а на точных показаниях. Если кто-то из участников разбирательства в чужих показаниях сомневался, то обязан был поклясться по обрядам своей веры, что свидетели лгут. Если же в результате оказывалось, что показание правдиво, то усомнившегося казнили. Это условие значительно облегчало решение спорных вопросов: хитрить и интриговать становилось опасно.

Документ предусматривал и чрезвычайные ситуации. Оговаривалось, например, что в случае убийства русского или грека преступник (если его застигнут на месте) должен быть тут же казнен. Если убийца с места преступления скроется, то все его имущество (за вычетом определенной доли в пользу ни в чем не повинной жены преступника) поступает родственникам жертвы. Если бежавший никакого имущества не оставлял, то считался под судом и в розыске до тех пор, пока не будет пойман и казнен.

Договор предусматривал, что, если русский украдет у грека (или наоборот) и вор будет пойман на месте, хозяин украденного в случае сопротивления вора имеет право его безнаказанно убить. Если вор сдавался без сопротивления, с него за украденное брали втрое больше. Штраф предусматривался даже за обычную драку. Если провинившийся или его родственники не могли заплатить положенного, виновного раздевали донага. Это означало, что он отдал последнее.

Все эти пункты говорят о том, насколько серьезно обе стороны подходили к соглашению, пытаясь по мере сил уберечь мир и согласие от неприятных неожиданностей и недоумений.

Древний договор ничуть не менее дотошен, чем современные документы. Договор разъяснял даже правила поведения обеих сторон в случае, если что-то происходило с их торговыми судами. Предписывалось: если греческий корабль будет выброшен на чужую землю, а там окажутся рядом русские, то они обязаны охранять корабль с грузом и помочь доставить судно в безопасное место. Русские также брали на себя обязательство снимать греческие корабли с мели и помогать греческим мореплавателям, если случится буря.

О том, насколько выросло доверие между русскими и греками, свидетельствует такой пункт договора 911 года:

Если русскому или греку случится быть в какой-нибудь стране, где будут невольники из русских или греков, то он должен выкупить их и доставить на родину, где ему будет выплачена выкупная сумма.

То же самое относилось и к военнопленным.

Столь благородные условия распространялись, впрочем, лишь на участников договора, принципиальными аболиционистами ни греки, ни русские не были. Документ предусматривал: если раб будет украден или убежит, а господин его будет жаловаться, то раб должен быть возвращен. Русские купцы имели право искать своего раба в Константинополе где угодно. Тот из греков, кто отказывался позволить русским произвести у себя дома обыск, автоматически признавался виновным в краже раба и сурово наказывался.

Поскольку многие русские купцы стали постоянно проживать в Константинополе, договор предусматривал и такую ситуацию: если кто-то из русских, находящихся в Византии, умирал, не успев распорядиться своим имуществом, оно обязательно отсылалось его родственникам на Русь. Если взявшийся доставить имущество утаивал его или не возвращался с ним на Русь, то по жалобе русских он мог быть насильно возвращен на родину. Точно такие же правила распространялись и на греков, осевших на Руси.

Это был солидный документ, подписанный серьезными людьми, думавшими не только о сегодняшнем, но и о завтрашнем дне.

По тем временам известный торговый путь из варяг в греки, то есть из Скандинавии и Балтики в Византию через славянские земли, был очень непростым.

О средней и южной части этого пути византийский историк император Константин Багрянородный рассказывал следующее: славянские племена зимой рубили лес в горах и строили лодки, в том числе лодки-однодеревки, то есть из одного большого ствола. Весной, когда лед на Днепре таял, они сплавляли суда в Киев. Здесь «плавсредства» дооборудовали (ставили уключины и весла от старых лодок), грузили товар и поджидали другие суда, чтобы уже большим охраняемым караваном отправиться в дальнейший путь вниз по реке. Подойдя к опасным порогам на Днепре, большая часть экипажа выходила на берег, а остальные с помощью шестов или вброд проводили суда между камнями.

Около четвертого, самого опасного, порога, как сообщает летопись, часть военной дружины обязательно занимала оборонительные позиции на случай нападения степных кочевников – печенегов, а все остальные разгружали суда и на расстояние «6000 шагов» переносили товар на плечах. Лодки же тащили волоком либо на руках по берегу. Затем суда вновь спускали на воду и грузили товар. Доплыв до острова Святого Григория (ныне остров Хортица), приносили богам жертву в благодарность за успешную переправу через пороги. Достигнув устья Днепра, караван обычно останавливался, чтобы привести суда в порядок и подготовиться к переходу по Черному морю в Византию.

И здесь видна солидность и деловая хватка, все делалось с умом. То ли и вправду варяги со своим «порядком» помогли, то ли древние славяне и сами были не таким уж «беспорядочным» народом, как представлялось придирчивому летописцу.

Любопытно, что князь Олег, положивший начало взаимовыгодной торговле с Византией, сыграл важнейшую роль и в том, что именно православие стало господствующей религией в России. Вслед за торговым обменом между славянами и греками начался обмен культурный и идеологический.

Летописи свидетельствуют, что направленные Олегом в 911 году в Константинополь послы, успешно закончив деловую часть переговоров, задержались в Византии по просьбе императора. Он не только богато одарил их, но и «приставил к ним мужей, которые водили их по церквам, показывали богатства и излагали учение Христовой веры».

Так что «дорога к храму» проходила через рынок.

Святой Владимир отказывается от гарема, но не от вина

Если верить опять-таки наиболее распространенной версии, путь к истинной вере киевского князя Владимира – а именно он крестил Русь, за что причислен Русской православной церковью к лику святых, – оказался весьма извилист. Князь, прибывший в Киев из Новгорода в сопровождении варяжской дружины и преданных ему северных славян, долгое время слыл убежденным язычником и преследовал христиан, уже появившихся к тому времени в Киеве.

Владимира не останавливало даже то, что его собственная бабушка, княгиня Ольга, приняла христианство. Как утверждают летописцы, никогда на Русской земле не существовало такого идолопоклонства, как при Владимире, приказавшем поставить на холме несколько кумиров, которым регулярно приносились человеческие жертвы. Главным идолом считался деревянный Перун с серебряной головой и золотыми усами.

Особое недовольство у славян-язычников вызывало то, что христианство не допускало многоженства. Сам князь Владимир, согласно историческим свидетельствам, женское общество любил. Кроме пяти законных жен у него имелось множество наложниц: 300 в Вышгороде, 300 в Белгороде, 200 в селе Берестове. По выражению летописца, будущий святой «был несyt блуда», приводил к себе замужних женщин и девиц на растление. Вполне вероятно, что в приведенных выше цифрах некоторые нули лишние. Гипербола в летописях – дело самое обычное, однако ясно, что сама тенденция указана верно. Будущий святой к женскому полу действительно был неравнодушен. К тому же, не исключено, верна версия Карамзина, который считал, что летописцы специально «чернили» Владимира-язычника, чтобы потом ярче показать позитивные изменения, произошедшие в нем после крещения.

Судя по всему, христианство отталкивало и привлекало Владимира одновременно. Чаши весов то и дело колебались. На одной чаше лежали земные соблазны, на другой – возможность прояснить важнейшие вопросы, остававшиеся без ответа в узких границах язычества. Идолы ничего не говорили ни о сотворении мира, ни о том, что ожидает человека после смерти.

Как замечает Николай Карамзин, славянская вера, «освящая добродетель храбрости, великодушия, честности, гостеприимства... не могла удовлетворять сердца чувствительного и разума глубокомысленного».

Летопись рассказывает о проповеди, произнесенной одним из первых в Киеве христиан, когда к нему явились язычники, чтобы забрать сына: согласно жребию тому полагалось отправиться на заклятие идолам. Отказавшись выдать свое дитя, христианин сказал:

У вас не боги, а дерево; нынче есть, а завтра сгниет! Бог один, который сотворил небо и землю, звезды и луну, и солнце, и человека, дал ему жить на земле. А эти боги что сделали? Сами деланные. Не дам сына своего бесам. Если они боги, то пусть пошлют какого-нибудь одного бога взять моего сына, а вы о чем хлопчете?

Деревянные, «деланные» да еще и гнилые языческие боги в конце концов разочаровали и князя. Согласно преданию, Владимир, решив отойти от язычества, чтобы сделать правильный выбор, внимательно выслушал представителей всех основных религий.

Сергей Соловьев справедливо замечает, что выбор веры есть особенность русской истории. Другим европейским народам не пришлось выбирать между религиями, христианская вера к ним пришла сама, чаще всего из соседского, уже крещеного дома. Не так дело обстояло с Русью, расположенной тогда большей частью на востоке Европы и граничившей

с Азией – огромным и бурным котлом, где причудливо перемешивались суеверия и религии разных народов.

Недаром и Хазарскому каганату, оказавшемуся в той же ситуации, правда чуть раньше, чем русским, пришлось делать точно такой же выбор между тремя религиями. Хазары предпочли иудаизм.

Если верить летописям, тот религиозный «конкурс» русские язычники организовали очень тщательно. Для князя Владимира при выборе наиболее важными представлялись три критерия. Во-первых, естественно, убедительность и привлекательность религиозной доктрины. Во-вторых, внешняя сторона богослужения. И наконец, вопрос личного удобства: чем-то князь готов был поступиться, а чем-то нет. История сотворения мира и человека, рай, ада, сказание о Всемирном потопе, ковчеге, изложение Нового Завета, конечно, произвели на воображение князя сильнейшее впечатление, но и о своих собственных грешных интересах он забывать не желал.

В отличие от Хазарского каганата на Руси иудаизм поддержки не получил. Выслушав иудеев, князь якобы поинтересовался, где их отечество. «В Иерусалиме, – ответили проповедники, – но Бог в гневе своем расточил нас по землям чужим». Ответ оказался неудачным. Владимир тут же парировал: «Как же вы, прогневавшие Бога, осмеливаетесь учить других? Мы не хотим подобно вам лишиться отечества».

Магометанство, напротив, показалось Владимиру необычайно соблазнительным уже хотя бы в силу разрешенного многоженства, но и здесь возникло несколько непреодолимых, с точки зрения князя, преград. Карамзин замечает:

Описание Магометова рая и цветущих гурий пленило воображение сластолюбивого князя; но обрезание казалось ему ненавистным обрядом и запрещение пить вино – уставом безрассудным. Вино, сказал он, есть веселие для русских; не можем быть без него.

Таким образом, Русь была в полушаге от того, чтобы стать мусульманской страной. Если бы это случилось, можно не сомневаться – мировая история пошла бы иным путем.

Оставалось преодолеть еще одну историческую развилку – сделать выбор между православием и католичеством. Вряд ли Владимир осознавал, какую ответственность берет на себя, но сегодня, глядя с высоты веков на прошлое, можно с уверенностью утверждать, что по своей значимости этот выбор стал одним из главнейших в русской истории. Именно он во многом и предопределил дальнейшие отношения России и Запада.

Свою правоту доказывали Владимиру и немецкие католики, но Византия в споре с конкурентами выглядела убедительнее. Греки тогда просто перехитрили немцев. Лучше зная «покупателя», они сумели показать свой товар лицом. Когда, побывав в немецких землях и посмотрев богослужение католиков, русская делегация прибыла в Константинополь, император, как указывает летописец, «зная, что грубый ум пленяется более наружным блеском, нежели истинами отвлеченными, приказал вести послов в Софийскую церковь, где сам патриарх, облаченный в святительские ризы, совершал литургию».

Расчет греков оказался верным: вернувшись домой, делегация с таким восторгом живописала Владимиру увиденное, что у того уже не было сомнений, какой выбор сделать. Он согласился со своими послами, заявившими, что «всякий человек, вкусив сладкое, имеет уже отвращение от горького; так и мы, узнав веру греков, не хотим иной». Немаловажным аргументом в пользу православия послужило для Владимира и напоминание: «Когда бы закон греческий не был лучше других, то бабка твоя Ольга, мудрейшая из всех людей, не вздумала бы принять его».

Все эти предания выглядят в целом правдоподобно. За исключением, пожалуй, лишь одной, явно более поздней, вставки, где уже отражено противостояние православной Руси

и западного католицизма. Выслушав немецких проповедников, Владимир якобы сказал: «Идите обратно, отцы наши не принимали веры от папы». Если бы это было так, то не стал бы Владимир с католиками беседовать о вере и уж тем более посылать после разговора с ними делегацию в немецкие земли, чтобы оценить католические храмы и католический церковный обряд.

Тем не менее отношение самого Владимира к католицизму было терпимым. Когда чуть позже, в 1006–1008 годах, на Русь прибыл посланник папы архиепископ Бонифаций и попросил его содействия для пропаганды христианства среди соседей Руси – печенегов, князь, хоть и усомнился в успехе предприятия, миссионера до границы вежливо проводил. Успехи Бонифация действительно оказались скромными, но, главное, ему удалось выжить. Жизнь ему спасло то, что архиепископ выдал себя за посланника польского князя Болеслава Храброго – союзника печенегов в борьбе с Русью.

Уверовав в преимущество православия, Владимир, как рассказывают летописи, крестился далеко не сразу, а еще не раз испытал новую религию на прочность. Успешно завершив с греками переговоры о вере, Владимир пошел на них войной и осадил город Корсунь (Херсонес). Греки защищались упорно, дело явно затягивалось, и князь решил, что это как раз тот случай, когда можно испытать христианского Бога. Согласно преданию, Владимир взглянул на небо и поклялся, что если он возьмет город, то крестится. С божьей помощью, а если точнее, с помощью предателя из стана греков, показавшего русским, как перекрыть осажденным доступ к воде, Корсунь пал.

Вера Владимира в христианство, вероятно, укрепилась, но все же не настолько, чтобы выполнить клятву. Куда больше возросла уверенность в собственных силах. Войдя в Корсунь с дружиной, князь направил следующее послание в Константинополь императорам Василию и Константину: «Я взял ваш славный город. Слышал, что у вас сестра в девицах, если не отдадите ее за меня, то и с вашим городом будет то же, что с Корсунем».

Несмотря на испуг и огорчение, императоры ответили дипломатично, продолжая свою политику, направленную на достижение главной цели – крещение Руси: «Не следует христианам отдавать родственниц своих за язычников, но если крестишься, то и сестру нашу получишь, и вместе царство небесное».

Согласие было достигнуто, и императорскую сестру Анну вместе со священниками отправили к Владимиру. Именно она и избавила язычника от последних колебаний. Согласно преданию, у жениха столь сильно разболелись глаза, что он почти уже не видел. «Если хочешь исцелиться от болезни, – посоветовала невеста, – крестись поскорее; если же не крестишься, то и не вылечишься». Князь ответил на это: «Если и в самом деле так случится, то поистине велик Бог христианский».

Лишь после этого Владимир (своеобразное подобие Фомы неверующего) наконец крестился, тут же, если верить легенде, выздоровел и воскликнул: «Теперь только я узнал истинного Бога!»

Столь долго колебавшийся сам, Владимир другим русским людям время на раздумье оставить не пожелал. Вернувшись в Киев, он повелел свергнуть идолов, бить их палками и сбросить в реку. Сам процесс крещения был организован предельно просто. По приказу князя всех киевлян насильно привели к реке, где и крестили. Кто-то шел равнодушно, кто-то поневоле, многие бежали из города. На берегу Днепра стоял сам Владимир и наблюдал за крещением. Все вошли в воду, христиане бродили между язычниками, уча некрещеных, как вести себя во время совершения таинства.

Прямым следствием принятия христианства стало повсеместное строительство церквей, причем в Киеве Владимир распорядился поставить церковь Святого Василия как раз на том холме, где раньше сам же воздвиг идол Перуна. Отсюда, из Киева, и отправились на север христианские миссионеры. Византийских священников сопровождала военная дру-

жина, поскольку язычество без боя не сдавалось. В оплоте язычества Новгороде, где идолопоклонники уничтожили первую христианскую церковь Преображения, крещение происходило далеко не так гладко, как в Киеве.

История крещения Новгорода осталась даже в пословице, хорошо известной раньше на Руси: «Путьята крестил мечом, а Добрыня огнем». Именно на своего дядю Добрыню и воеводу по имени Путьята князь Владимир возложил миссию крестить новгородцев. Здесь крестили в основном силой. Чтобы новгородцы не хитрили (язычники часто объявляли себя крещеными), было приказано всем христианам носить на шее крест, а кто не будет иметь на себе креста, тому не верить. Крестов на всех не хватало, поэтому многих крестили многократно. Глядя на то, как сжигают идолов, люди плакали, умоляли пощадить их божества. Добрыня с насмешкой отвечал: «Нечего вам жалеть о тех, которые себя оборонить не могут; какой пользы вам от них ждать?»

Не будем подвергать сомнению, что вера князя Владимира в конечном итоге окрепла и стала истинной, хотя бы потому, что доказательств обратного у нас нет. Но нужно понимать и то, что князем, конечно же, двигали далеко не только религиозные чувства. Многобожие, разнообразие языческих обычаев и традиций, что существовали в различных славянских племенах, неуправляемость волхвов и многое другое было серьезнейшим препятствием для объединения земель под единой властью. Православие и должно было, по замыслу Владимира, стать тем цементом, что скрепит Русь.

Позже с расширением своих границ уже не Русь, а Российская империя стала страной многоконфессиональной, однако приоритет православия всегда оставался для власти (за исключением атеистического советского периода) неоспоримым. Так что от разговора о политических расчетах, которые сопутствовали крещению, никуда не деться. К этой политической цели Владимир шел целенаправленно и упорно. Кстати, недаром, прежде чем прийти к христианству, князь в своем родном Киеве заставил людей отказаться от множества разнообразных идолов и всячески, в том числе и силой, укреплял авторитет Перуна как главного божества. В этом смысле князь Владимир отчасти напоминает римского императора Константина, который также стремился сцементировать монотеизмом пошатнувшийся Рим.

Вполне применима к Руси и мысль французского историка Жака ле Гоффа:

Христианская проповедь почти всегда терпела неудачу, когда она пыталась обратиться к языческим народам и убедить массы. Но, как правило, она добивалась успеха, когда привлекала на свою сторону вождей.

То есть когда проповедь опиралась на силу власти. Или, говоря нынешним языком, когда церковь использовала в своих целях «административный ресурс».

Хотя официально Русь считается православной с 988 года, жесткая борьба христианства с язычеством продолжалась очень долго. Известно так называемое «правило» митрополита Иоанна (1089 год), направленное против язычников, «яро казнити на возброненье злу».

Язычники отвечали соответственно. Чуть раньше в том же Новгороде был удушен епископ Стефан, а чуть позже, в 70-х годах, его преемника защитили от простонародья лишь князь с дружиною. В свою очередь, в 1227 году после суда у архиепископа в Новгороде сожгли четырех волхвов. И таких примеров в нашей истории с избытком. Так что слова о «добровольном принятии Русью христианства» я бы назвал сильным преувеличением.

Даже на Стоглавом Соборе в 1551 году церковь была вынуждена все еще напоминать своей пастве о запрещении языческих обрядов: «Всем православным христианам на таковая еллинская бесования не ходити ни во градах, ни по селам». До XVII века переписывались церковные поучения против язычества. До XVIII века православная церковь спрашивала христианина на исповеди, не ходил ли тот к волхвам, не исполнял ли их указаний.

Ясно, что все это происходило не случайно. Под формальной маской христианства язычество в ряде мест продолжало существовать в подполье. Из поколения в поколение передавались заклинания, заговоры, языческие обряды, мифы. Иначе говоря, очень долго язычество оставалось живым в глубине народного сознания, и ко многим всплескам гнева простолюдинов против власти примешивалось, конечно, и это затаенное религиозное сопротивление.

Было бы нелепым опровергать очевидный факт, что история России в значительной мере история христианства. Однако не менее абсурдно было бы полагать, что до христианства русского человека как будто и не существовало. Или утверждать, что христианство и русский человек суть единое целое. Это очередная гипербола. Ну что тут поделаешь, если чарующую ночь на Ивана (Яна) Купалу так и не смогли победить никакие христианские праздники. Празднуют этот языческий праздник в ночь на 7 июля по всем языческим традициям в некоторых местах и сегодня.

Своеобразный ренессанс язычества историки отмечают и в период, наступивший после Смуты, которая поколебала все жизненные основы, включая и религиозные. В 1636 году девять нижегородских протопопов и священников во главе с Иоанном Нероновым – одним из лидеров будущего старообрядчества – обратилась к патриарху Иоасафу с «памятью», где приводили яркие примеры «гибнущего православия». Как указывала эта записка, в храмах царят «мятеж церковный и ложь христианская» – непорядки и несоблюдение духа веры. Что и стало толкать людей к вере предков. Как писали авторы «памяти», в четверг после Пасхи «собираются девки и жены под березы и приносят, яко жертвы, пироги и каши и яичницы и, поклоняясь березкам, ходят, распевая сатанинские песни, и всплескивают руками».

Откликнулся на этот ренессанс язычества и «кесарь». В декабре 1648 года по русским городам разошлась царская грамота, в которой с тревогой отмечалось, что православные христиане к «церквам Божиим не ходят и умножилось в людех во всяких пьянство и всякое мятежное бесовское действо, глумления и скоморошничество со всякими бесовскими играми, и от тех сатанинских учеников в православных крестьянх учинилось многое неистовство». Та же грамота резко осуждала всяческие азартные игры, куда почему-то попали и шахматы.

Разумеется, все это не чисто русское явление, вспомним хотя бы Латинскую Америку. Во многих местах, где христианство формально одержало победу, полного доминирования над душой человека оно не добилося. И в конце концов смирилось с этим, приспособив даже свои праздники по срокам к бывшим языческим. На многое церковные иерархи и сегодня предпочитают закрывать глаза. Священники, рискующие говорить на эту тему правдиво, явление редкое, однако они есть.

Из интервью протоиерея Русской православной церкви Георгия Митрофанова:

Подавляющая часть христиан в Российской империи причащалась только раз в год. Их религиозная жизнь была связана с бытовым исповедыванием своей веры. Что такое вкушение пищи на кладбище? Это рудимент языческой тризны, когда с покойником нужно было разделить трапезу, чтобы он остался удовлетворенным. Никакого отношения к христианству это не имеет, и церковный устав таких тризн не предполагает. Это то, что мы называем народным благочестием, и забываем, что оно сегодня аккумулировало в себе непреодоленное нашими предками языческое сознание. Вот почему начиная с Киевской Руси приходится говорить о двоеверии нашего народа, умевшего сочетать в

своей религиозной жизни внешние элементы церковной жизни и глубокие переживания языческого характера.

Как бы то ни было, в 988–989 годах от Рождества Христова Русь крестилась. По европейским меркам это не так уж и поздно. Приблизительно в это же время христианство приняли Венгрия, Польша, Швеция, Норвегия и Дания.

Принятие русскими православия и ориентация на Византию имели для России серьезные последствия, во многом предопределили характер и духовность русского народа, его своеобразную историю и одновременно известную изолированность от западных соседей.

Дальнейшие исторические события эту тенденцию закрепили. Татаро-монгольское иго (которое в силу ложной политкорректности теперь часто ставят под сомнение) и продвижение русских в Сибирь, закончившееся на границах Монголии и Китая, теснейшие контакты с Востоком, наконец, вхождение в состав русского государства ряда народностей, исповедующих ислам, и создали тот уникальный, противоречивый феномен, что называется Россией.

Русский философ Николай Бердяев писал:

Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролось два начала, восточное и западное.

Киев и Новгород. Южные и северные ворота в Европу

Порывы исторических бурь на Руси захлопывали дверь в Европу неоднократно. Причины были разными, но результат вынужденной изоляции от Западной Европы всегда оказывался одним и тем же: русские теряли темп в развитии. В то время как другие европейские народы последовательно продвигались вперед, перенимая многое в культуре, науке и быту друг у друга, русским несколько раз приходилось строить дом заново, в одиночку и на отшибе.

В силу этих обстоятельств русские в своей истории довольно часто самостоятельно изобретали велосипед. И этот «русский велосипед» получался немного иным, чем тот, на котором привык «кататься» Запад. Это касается широчайшего круга вопросов: и технологий, и жизненной философии.

Даже сегодня русские и иностранцы, беседуя, казалось бы, об одном и том же, нередко замечают, что, совпадая в главном, неожиданно для себя расходятся в деталях – в каком-нибудь «велосипедном звонке».

Как правило, пытаясь объяснить возникшие на пустом месте сложности, обе стороны ищут разгадку проблемы исключительно в сиюминутном. На самом же деле недопонимание часто имеет глубинные причины. Современный человек больше знает о геномной цепочке, влияющей на здоровье, нежели о цепочке исторической, хотя и она оказывает немалое влияние на нашу жизнь, определяет позицию человека по той или иной проблеме. И в России и на Западе крайне редко вспоминают о тех старинных дверях, которые то соединяли их, то разъединяли.

Первой захлопнулась южная, то есть киевская, дверь в Европу, широко открытая в свое время для любого иноземца. О богатстве Киева, его теснейших контактах с Европой, и прежде всего, конечно, с Византией, в XI–XII веках есть множество свидетельств. Сохранившиеся постройки того времени поражают своими фресками и мозаикой. В могилах и кладках Южной Руси найдены золотые и серебряные вещи высокохудожественной работы.

Летописи говорят о знакомстве тогдашних русских князей с иностранными языками, об их любви к книге, об открытии училищ с греческим и латинским языком, о тесных контактах с западноевропейскими учеными. В короткие исторические сроки здесь возникла своя оригинальная литература. Русская летопись того времени по легкости и живости пера не уступает лучшим анналам тогдашнего Запада. Правовые нормы, изложенные во времена князя Ярослава Мудрого в своде законов, известном под названием «Русская Правда», говорят о высоком уровне зрелости общества. Киевская Русь ничем не уступала лучшим образцам западноевропейской цивилизации того периода.

Об уровне контактов с Западом и авторитете Киевской Руси того времени свидетельствует и история браков детей Ярослава Мудрого. Анна стала королевой Франции, выйдя замуж за Генриха I. Анастасия вышла замуж за венгерского короля Андрея I, Елизавета – за норвежского короля Геральда III. Старший сын Ярослава Владимир взял в супруги дочь английского короля Гарольда, побежденного Вильгельмом Завоевателем. Сын Ярослава Изяслав женился на сестре польского короля Казимира, а Всеволод – на греческой царевне, дочери Константина Мономаха. Есть также исторические свидетельства о браке еще двоих, не известных по имени, сыновей Ярослава: они женились на немецких княжнах.

Все это говорит о том, что в те времена Европа не считала Русь ни дикой, ни бедной, ни слабой, а наоборот, с радостью готова была породниться с русскими князьями. Этот же пример свидетельствует и о том, что правящая элита Киевской Руси к вопросам вероисповедания относилась тогда вполне прагматично: как правило, невесты без особых колебаний

меняли православие на католичество. Интересы политики были пока еще важнее интересов веры. Позже и в Европе, и на Руси вопросы веры на долгое время стали определять политику.

Киевская Русь при Ярославе Мудром служила убежищем для многих знатных изгнанников того времени. Одним из них был король Норвегии Олаф II Святой: он известен тем, что завершил в своей стране принятие христианства, но затем уступил страну Кнуду I. Его сын Магнус Добрый жил на Руси до 1033 года и впоследствии стал королем Норвегии.

Подтверждением величия Киевской Руси служат не только археологические находки или древние летописи, но и любопытные баталии, развернувшиеся вокруг русской истории уже после распада Советского Союза.

Красивое прошлое – такой же лакомый кусок, как и многое другое. Нефть – ресурс материальный, энергетический и экономический. Достойные предки – ресурс духовный, интеллектуальный, а порой и идеологический. Поэтому, отмежевавшись от русских территориально, некоторые бывшие союзные республики вознамерились поделить с русскими заодно и историю. Иногда это выглядит просто карикатурно. На Украине некоторые местные исследователи, перепутав географию с историей, решили самостийно урезать прошлое России, забрав древнюю Киевскую Русь в свое эксклюзивное пользование: нам – Киев, сказано было русским, вам – Новгород и Москва; нам – Ярослав Мудрый, вам – Иван Грозный.

В Москве к эмоциональному порыву ближайших родственников отнеслись в целом спокойно, примерно так, как относится уже обремененный некоторым жизненным опытом старший брат к ревнивому воплю младшего: «Папа только мой!» В подобной ситуации лучше промолчать: инфантилизм со временем обычно проходит. Если, конечно, нет патологии.

И сладость величия, и горечь поражений общие предки нынешних украинцев и русских испили сполна. Страшная беда пришла из степей, прилегавших к Киевской Руси и служивших преддверием Азии. После смерти Ярослава Мудрого начиная с 1061 года на Киевскую Русь постоянно нападают кочевые племена половцев. Летописи того времени ярко рассказывают о трагедии: об уничтоженных поселениях, угнанных пленных, о заросших травой нивах, бесчисленных военных столкновениях и попытках миром решить вопрос.

Не помогало ничего: принятые соглашения тут же нарушались (только Мономах, согласно летописям, заключил с половцами 19 мирных договоров), самые богатые дары оказывались каждый раз недостаточными, на смену разбитым половцам – а русские били их многократно – появлялись новые тысячи. Не помогало даже то, что князья начали жениться на ханских дочерях: тесть без зазрения совести продолжал грабить земли зятя, невзирая на родство.

Как считают историки, Русь, приняв на себя удар половцев, спасла от разорения другие европейские страны. Позже в схожей исторической ситуации Русь приняла на себя страшнейшей силы удар и закрыла собой Европу от татаро-монгольского нашествия.

Запад забыл об этом, русские помнят. Василий Ключевский пишет:

Эта почти двухвековая борьба Руси с половцами имеет свое значение в европейской истории. В то время как Западная Европа Крестовыми походами предприняла наступательную борьбу на азиатский Восток, когда на Пиренейском полуострове началось такое же движение против мавров, Русь своей степной борьбой прикрывала левый фланг европейского наступления. Но эта историческая заслуга Руси стоила ей очень дорого: борьба сдвинула ее с насиженных днепровских мест и круто изменила направление ее дальнейшей жизни.

Двухсотлетняя война с половцами истощила Киевскую Русь. Летопись отмечает быстро усилившийся отток населения на запад, в глубь Польши, и главным образом на

северо-восток – в междуречье Оки и Верхней Волги. Этот исход русских из Киева в леса Центральной России надолго отрезал основную часть населения тогдашней Руси от Запада. Европа осталась далеко за спиной, зато вплотную приблизилась дикая Азия.

Исход не бегство. Даже во время вынужденного отступления русские до последней возможности отстаивали свое право быть европейцами. Смоленск и Полоцк еще долго оставались если и не полноценными воротами, то хотя бы калиткой на Запад. Крупная немецкая колония в Смоленске имела своего старосту и общественную казну, которую иностранцы пускали в оборот подобно банковскому капиталу. Прямые договоры заключались смоленскими князьями и купцами тогда и с Любеком, и с Данцигом, и с Бременом, и с Дортмундом.

Известен текст договора с немцами, разработанный при князе Мстиславе Давидовиче в 1229 году. Как указывает сам текст, над заключением этого первого договора «страдали» купец из Касселя Рольф и смолянин Тумаш Михайлович. Этот совместно «выстраданный» текст лег позже в основу целого ряда договоренностей между русскими и немцами, а вся правовая основа смоленско-германской коммерции получила в истории название Смоленской торговой правды. Как правило, тогдашний договор состоял из двух частей: из уголовного кодекса и из постановлений, определяющих торговые обычаи. Обе стороны пользовались правом беспошлинного ввоза своих товаров. Судя по торговым сборам, которые давал город местному князю, Смоленск даже в ту сложную пору жил богато. Так что расставались с Западом наши предки неохотно, прекрасно осознавая, что они теряют.

Уйдя от половцев, русские столкнулись с еще более страшным противником – татарами, которым на время пришлось подчиниться. Именно там, на Оке и Волге (по тогдашним меркам бесконечно далеко от Запада) постепенно вызревало, преодолевая княжескую междоусобицу и татарский гнет, государство, получившее у иностранцев название Московии.

После 1312 года, когда татарская Орда провозгласила ислам государственной религией, православная Русь оказалась между двух огней. На востоке над ней нависала Орда, а на юго-западе бывшие русские земли попали под власть Литвы, а затем и католической Речи Посполитой. По словам известного русского историка Льва Гумилева, Юго-Западная Русь «потеряла все: и культуру, и политическую независимость, и право на уважение».

Вывод Гумилева не бесспорен. На бывших русских землях проходили сложные и противоречивые процессы слияния и притирки разных культур. А это путь не только неизбежных потерь, но и приобретений. Русское, польское, немецкое и в меньшей степени литовское влияние создавало на бывших русских землях новый, своеобразный мир.

Польша и католицизм сорвали этот мирный объединительный процесс. Впрочем, поляки начали доминировать здесь далеко не сразу, поскольку тамошние русские без боя свои позиции не сдавали. Даже так называемый Судебник Казимира 1468 года почти полностью повторяет Русскую Правду Ярослава Мудрого, что доказывает силу русского культурного влияния в чужом уже государстве. Да и в религиозной сфере в Литве довольно долго процветал индифферентизм, то есть местным властям было безразлично, в какую церковь – православную, католическую или протестантскую – ходят по воскресеньям ее подданные.

Польско-католический пресс начал пригибать православных к земле с воцарением в Литве Стефана Батория (1576–1586), который не по религиозным мотивам – они ему были безразличны, – а исходя из политической целесообразности решил для укрепления государственности ввести религиозное единение.

В чем ему и помогли иезуиты, предложившие идею унии двух церквей – православной и католической. План, разработанный ректором Виленской иезуитской академии Петром Скаргой, в условиях фатальной слабости тогдашнего православного духовенства в Литве (на безграмотность и распущенность местных попов и монахов православная паства жаловалась в те времена постоянно) фактически вел дело к ополячиванию и окатоличиванию населения. После так называемой Брестской унии для русских наступило время горьких унижений.

Несмотря на обилие религиозных споров, вопрос на самом деле был не столько церковный, сколько национальный и политический. Так к унии относились иезуиты, так к ней относилась Польша, так понимала ситуацию и Москва. Как резюмировала дореволюционная история России:

Акт унии является величайшим поражением, которое нанесено было не только греческой религии, но и русской национальности в Польско-Литовском государстве.

Даже если столь жесткий вывод принять за аксиому, то и тогда это не лишает наших предков, оставшихся в Литве, права на добрую память. Простые русские люди, в отличие от их заблудших духовных пастырей, сопротивлялись иезуитской политизированной унии и принудительному ополячиванию столько, сколько могли.

В политике возникают иногда безнадежные позиции, которые невозможно защитить. Это был как раз такой случай. Выход в Европу на этом направлении оказался для Москвы задраен политическими противниками наглухо и надолго.

Новгород: неудачный побег в будущее

Оставалась, правда, еще одна дверь на Запад, но она находилась на севере, по тем временам довольно далеко от нового центра Русской земли. Речь идет о Новгороде.

Именно с Новгородом связывают летописи появление в славянских землях князей Рюрика, Синеуса и Трувора, положивших начало династии Рюриковичей на Руси. Когда-то именно отсюда варяги начали свое продвижение на юг, к Киеву.

Позже интерес князей к Новгороду, оставшемуся вдали от главных политических событий, почти пропал, город был предоставлен сам себе, чем и воспользовался, создав Новгородскую республику. Часто менявшиеся в Новгороде князья со своей дружиной выполняли лишь роль наемников для охраны новгородских владений, а вся полнота власти принадлежала в средневековой республике общему собранию горожан – вече.

В основе богатства Новгорода, в отличие от большинства русских городов, лежало не земледелие, а торговля. И прежде всего торговля с западными партнерами, что стало возможно благодаря удачному расположению города: через реку Волхов, на которой он основан, республика имела прямой водный путь в Финский залив и Балтийское море. Болота, окружавшие Новгород, спасли его от разорения татарами; обилие воды, озер и рек создавало разветвленную сеть торговых путей; леса давали меха и дичь, а дурная почва заставила новгородцев заняться коммерцией.

В период своего процветания Новгород служил главным пунктом северо-восточной торговли союза немецких городов во главе с Любеком, получившего название Ганзы.

В Новгороде Ганза имела свой торговый двор, где высилась единственная тогда на Руси немецкая католическая церковь Святого Петра. Вокруг церкви теснились склады и амбары. Даже подвал храма служил кладовой. Как правило, католический священник приезжал с очередной компанией. В то время, когда торговым двором владели одновременно города Любек и Висби, расположенный на острове Готланд, священник направлялся в новгородскую церковь на год, попеременно то от того, то от другого города. Еще позже у новгородцев появились торговые отношения с Ригой и Дерптом.

Иноземное купечество составляло в Новгороде замкнутую общину, имело свой устав и самоуправление, во главе которого стоял так называемый альдерман. Альдерман имел широчайшие полномочия, вплоть до того, что мог вершить суд и приговорить провинившегося даже к казни. Он же посредничал в переговорах с новгородцами. Со стороны Новгорода споры иностранцев с местными жителями разбирал архиепископ – высший авторитет среди горожан.

Новгородцы не только принимали у себя западных торговых агентов, но и сами регулярно плавали торговать в Европу. Правда, у них не было своего торгового флота, но они часто фрахтовали немецкие и шведские суда. Ввозили из-за границы металлы и разнообразные металлические изделия (за исключением оружия, ввоз которого был запрещен), а также вино, пиво и балтийскую сельдь. Вывозили меха, воск, ворвань, сало, коноплю, лен. Через Новгород шел с Востока на Запад и шелк.

В целом оборот западной торговли в городе определялся скорее иностранцами, зато в торговле восточной новгородцы полностью доминировали. Новгородские купцы постоянно бывали не только в Европе, но и в Киеве, в Поволжье, проникали на Арабский Восток.

Внешняя угроза над республикой нависала неоднократно, однако новгородцы с ней каждый раз справлялись. В 1240 году шведы, оспаривавшие у новгородцев обладание Финляндией и побуждаемые папской буллой к крестовому походу на православный Новгород, вторглись на его земли под предводительством (по одной из версий) зятя шведского короля

Биргера, но были полностью разбиты русскими на берегах Невы. Князь Александр, командовавший войсками, получил в благодарность от земляков прозвище Невского.

Затем попытку подчинить Новгород предприняли немцы – рыцари ордена меченосцев, незадолго перед этим объединившиеся с Тевтонским орденом. Но и они потерпели поражение от русских, возглавляемых все тем же Александром Невским, на льду Чудского озера. Оба этих сражения, оставившие яркий след в памяти народа, на самом деле были далеко не единственными столкновениями новгородцев с крестоносцами. Как свидетельствуют летописи, русские не раз успешно били крестоносцев как до, так и после описанных событий.

Новгородская республика погибла, потому что этого захотела окрепшая Москва, да и вся остальная Русь, уже давно настороженно наблюдавшая за новгородскими «западниками», их непривычным опытом народовластия и тесными контактами с католиками.

Определенные основания для подозрений у москвичей имелись. В конце существования республики и в канун разгрома города великим князем Иваном III новгородцы разделились на два лагеря. Недовольные своими боярами городские низы ориентировались на москвичей, а значительная часть боярства вступила в тесные контакты с литовским королем Казимиром и всерьез рассматривала возможность перехода на его сторону.

В июне 1471 года новгородские бояре даже составили проект договора с литовцами, главный пункт которого гласил, что король выступит со своим войском, чтобы защитить Новгород от Москвы. Казимир в свою очередь направил посла к татарам, чтобы подтолкнуть их к новому набегу на Русь, однако быстрое наступление московских войск помешало заключению договора, и Литва решила на этот раз уклониться от столкновения.

Авторы многих русских летописей смотрят на новгородцев как на крамольников и вероотступников. По мнению одного из летописцев, новгородцы даже хуже неверных:

Неверные искони не знали Бога; эти же новгородцы так долго были в христианах, а под конец начали отступать к латинству; великий князь Иван пошел на них не как на христиан, а как на иноплеменников и вероотступников.

Такое мнение о Новгороде было в те времена весьма распространенным. Другая летопись сообщает:

...Сам народ добровольно собирался большими толпами и ходил на новгородскую землю за добычей, так что весь край был опустошен...

Разбив новгородцев и захватив Новгород в 1478 году, Москва, провозгласившая своими лозунгами самодержавие и православие, прежде всего уничтожила две самые ненавистные ей новгородские «выдумки»: вечевой колокол, созывавший когда-то всех здешних республиканцев на общее собрание, власть «арестовала», а единственную на всю Русь католическую церковь разрушила.

В летописях уничтожение храма объяснялось «благочестивым сознанием русских», приписывалось «чудесному действию в наказание за то, что он [католический храм] мешал православной церкви Святого Иоанна Предтечи и что на внешней стороне храма были с целью отвращения русских написаны образа Спасителя и некоторых святых».

По тем временам эта туманная аргументация для большинства населения выглядела убедительной. Разгром «прозападного» Новгорода с его республиканским менталитетом, деловой хваткой и подозрительной веротерпимостью был воспринят остальными русскими как должное.

Новгородский опыт стал своеобразным побегом в будущее. Беглецов настигли и жестоко наказали. Вольному Новгороду было приказано впредь шагать в ногу с остальными, не выбиваясь из строя и не проявляя излишней инициативы.

После разгрома Новгородской республики налаженные связи с Западом оказались надолго прерванными. Москва насильно выселила из Новгорода практически всех местных бояр и купцов, а на их места поселила московских дворян и торговых людей. Дабы неповадно было заглядываться на католический Запад, в Новгороде начали ускоренно возводить православные церкви и вообще перестраивать всё, начиная с улиц и кончая рыночными лабазами, на московский, «единственно правильный» лад.

Вместе с тем Москва, понимая, что во многом отстала от Запада и нуждается в его знаниях, не собиралась полностью отказываться от контактов с иноземцами. Она лишь приняла твердое решение поставить эти связи на строгий учет и контроль.

Подобный подход был продиктован новой исторической ситуацией и новым внешнеполитическим курсом, провозглашенным князем Иваном III.

Иван iii определяет внешнеполитическую стратегию Москвы

Первым подлинно «великим» из российских правителей следует считать Ивана III (1462–1505). Собственно, мы и сегодня живем в государстве, созданном именно этим человеком. И хотя у многих из нас есть к нашему государству серьезные претензии, это уже не его вина – фундамент Иван заложил основательный. Все вопросы – к его последователям, многие из которых действительно катастрофически не поспевали за временем.

Карамзин ставил его даже выше Петра I, ибо Иван III сделал великое государственное дело, не прибегая к насилию над народом. Некоторое преувеличение в таком утверждении, конечно, есть. Созидать государство в белых перчатках не дано никому. Вот и Иван III, чтобы присоединить к остальным русским землям своевольный Новгород, не раз ходил на него с мечом. Но в целом мысль Карамзина справедлива, поскольку не насилие было главным инструментом государственного строительства во времена Ивана III. Кого-то он побеждал дипломатически, а кое-что по-хозяйски прикупил, например ростовские земли. Поэтому в целом его смело можно причислить к великим русским «эволюционерам».

Чтобы оживить память, несколько коротких исторических штрихов. Это Иван стал первым именовать себя «государем всея Руси». Причем по праву, поскольку именно он собрал в единый кулак русские земли, составившие ядро нового национального государства. Это при Иване произошло знаменитое стояние на Угре, которое поставило точку на притязаниях Орды диктовать Москве свою волю. Это после женитьбы Ивана на Софье Палеолог государственным гербом русских стал двуглавый орел, благополучно долетевший до нынешних времен. Это при Иване преобразился московский Кремль, перестроенный итальянскими зодчими. Успенский собор, Грановитая палата и многое другое как раз из того времени. Это при Иване появился Судебник – уникальный по тем временам свод законов, который и сценировал новое государство.

Кстати, если быть точным, то у Ивана было три прозвища: Великий, Грозный и Правосуд. Под именем Иван Грозный русская история, правда, запомнила другого – его внука Ивана IV. Что и понятно, тот подобное прозвище заслужил больше. А вот Правосуд Ивану III подходит вполне. Судебник, созданный в его эпоху, сыграл в российской жизни немалую роль. Параллельно с появлением на Руси новой политической системы возникла, поддерживая ее, и новая правовая система. Судебник не только обобщил существовавшие ранее судебные акты, но и включил в себя нормы, не имевшие аналогов в предшествующем законодательстве. Изменилась Русь, изменилось и законодательство. В упрек многим последователям Ивана III можно заметить, что в отличие от него другие Рюриковичи, а затем и Романовы за переменами в реальной жизни не успевали. Отсюда и столь частый в нашей истории законодательный хаос. Чего не скажешь о временах Ивана Правосуда.

Во времена правления Ивана III у Москвы появляется и полноценная внешняя политика. Именно при нем завязываются сложные дипломатические отношения с Западной Европой. На смену междоусобным княжеским войнам между самими же русскими приходят войны между народами, продиктованные государственными, общенациональными интересами. Теперь Москва упорно воюет уже с Польшей, Литвой, немцами.

Как отмечают многие исследователи, вновь появившаяся вера в собственные силы заставляет русских взять на вооружение мысль о том, что вся Русская земля, в силу обстоятельств когда-то попавшая в руки Литвы и Польши, должна в конце концов вернуться под контроль московского государя, как законная и от века принадлежавшая русским собственность. Помимо земель, собранных в единое целое Москвой и получивших название Вели-

короссии, оставалась еще Малороссия – бывшая Киевская Русь – и Белоруссия – западные русские земли.

В то же время окрепшее Московское государство, внимательно оглядываясь по сторонам, уже тогда начало задумываться и о большем. На востоке лежали, теряясь в бесконечности (сколько дней ни скачи) земли, пригодные для заселения, на юге соблазнительно бились о берег волны Черного моря, а на западе, перекрыв выход русским к Балтике и Западной Европе, стеной стояли мощные, но уже не казавшиеся непобедимыми противники: Польша, Литва и Швеция.

Обращает на себя внимание тот факт, насколько стратегически последовательными и решительными были уже первые внешнеполитические шаги Московского государства. Не отвлекаясь на сиюминутное и не пытаясь извлечь второстепенных выгод, вся внешняя политика Ивана III и его последователей направлялась на решение той важнейшей задачи, которую они откровенно сформулировали на переговорах с Западом, – возвращение исконно русских земель.

Еще в 1503 году Иван III объявил, что у Москвы с Литвой прочного мира быть не может, пока главная внешнеполитическая цель не будет достигнута. Он заранее предупредил, что борьба будет перемежаться только перемириями для восстановления сил, не более того. Этот курс выдерживался Москвой последовательно в течение девяноста лет! Между 1492 и 1582 годами не менее сорока лет ушло на борьбу с Литвой и объединившейся с ней тогда Польшей.

Уже первые столкновения Москвы с западными противниками показали отставание русских во многих вопросах военного строительства и военной техники. Русский солдат воевал не хуже других, но его нужно было грамотно обучить и хорошо вооружить. Долгая изоляция давала о себе знать. Чтобы успешно воевать с Польшей и Литвой, Москве как воздух требовались иностранные специалисты. Решить эту задачу оказалось непросто, учитывая блокаду, организованную на западных границах.

К тому же возникала еще одна сложность: Москва, щепетильно относившаяся к вопросам веры, желая получить от Запада современные технологии и знания, категорически не хотела проникновения на свою землю каких-либо «крамольных» западных идей.

Таким образом, первых иноземцев, прибывших в Москву, ждал своеобразный прием, где причудливо переплетались щедрое гостеприимство и подозрительность.

Идеальная невеста: византийская сирота с двуглавым орлом в приданое

Окрепшей Москве, как драгоценному камню, требовалась и соответствующая оправа. Тем более что форма в те времена ценилась порой гораздо больше содержания. В 1467 году, овдовев после первого брака, Иван III начинает поиски невесты, достойной его нового положения, и находит ее в Риме. Там в это время жила сирота, племянница последнего византийского императора Софья Палеолог.

Незадолго перед тем, 29 мая 1453 года, произошел решительный штурм Константинополя султаном Мехмедом II. Последний византийский император погиб на поле боя. Только после падения Византии потрясенная Европа поняла, что перестал существовать барьер, отделявший ее от исламских завоевателей. Турки становились полными хозяевами на Балканах.

Не менее ошеломленная Русь вдруг осознала, что оказалась последним бастионом православия в мире. Брак с Софьей лишь легализовал то, что уже произошло де-факто: сделал князя Ивана и его потомков преемниками византийских императоров, а за Москвой после падения Византии утвердил роль единственной защитницы «истинного христианства» – православия.

Окончательно освободившись от татарского ига и получив из рук Византии столь драгоценное наследство, Москва начинает ощущать себя совершенно иначе, что сразу же сказывается не только на ее внешней политике, но и на претензиях московского князя на новый титул. Несмотря на то что за Литвой и Польшей все еще оставалось немало русских земель, Иван III в сношениях с заграницей начинает именовать себя «государем всея Руси», причем уже в договоре 1494 года заставляет литовское правительство формально признать этот титул.

В сношениях с ливонским магистром Иван впервые называет себя «царем всея Руси», то есть цезарем. С конца XV века на печатях московского государя появляется византийский герб – двуглавый орел, а в начале XVI века тогдашними московскими придворными политехнологами создается новая родословная русских князей, ведущая свое начало прямо от римского императора.

Новая официальная доктрина звучала приблизительно так: когда император Август стал изнемогать от непосильной ноши – огромной власти, он разделил все свои владения между братьями. Одного из братьев, Пруса, он посадил править на берегах рек Вислы и Немана. Именно поэтому вся эта земля и стала называться Прусской. Так вот потомок Пруса в четырнадцатом колене, утверждала новоявленная легенда, и есть великий государь Рюрик, положивший, в свою очередь, начало всей княжеской, а затем и царской династии на Руси.

При всем уважении к Византии и верности православию Москва византийским орлом не ограничилась, а сочла необходимым связать себя пуповиной с Прусом и даже с Августом. Не способная пока еще перебросить мостик в будущее, чтобы догнать Запад (это позже сделал Петр Великий), Москва выстроила мостик в прошлое. Чтобы хоть породниться с Западом.

Это важный момент. Россия никогда не хотела быть Азией. Ее лидеры – сначала цари, а затем императоры – либо хотели сделать русских стопроцентными европейцами, либо защищали русскую самобытность, но ни один из них не мечтал пойти в противоположную сторону – стать богдыханом и заставить страну жить на татарский или китайский манер. Если российской жизни и присущи азиатские черты, то это гены, а не результат целенаправленного духовного движения на Восток. Россия – Евразия, но, будучи полукровкой, к своим родителям она всегда относилась далеко не одинаково.

Уже в 1563 году предприимчивые московские бояре использовали новую легенду не только для внутреннего употребления – чтобы укрепить в народе авторитет царя, – но и в дипломатических целях. Как свидетельствуют летописи, всю эту отредактированную генеалогию Рюриковичей русские дипломаты на голубом глазу изложили польским послам.

Вместе с тем следует обратить внимание и на другое. О чем у нас, кстати, вспоминают редко. На самом деле Иван, выбирая невесту, серьезно колебался и решение о браке с Софьей Палеолог – воспитанницей папы римского – далось ему непросто. Ключевский пишет даже о «религиозной брезгливости», поскольку православное наследие Царьграда, по мнению русских, к тому времени себя изрядно запятнало. А потому не вполне «чистой» казалась Москве и сама Софья.

Стоит, впрочем, процитировать Ключевского полностью:

Несмотря на то, что греки со времени Флорентийской унии ¹ сильно уронили себя в русских православных глазах, несмотря на то, что Софья жила так близко к ненавистному папе, в таком подозрительном церковном обществе, Иван III, одолев свою религиозную брезгливость, выписал царевну из Италии.

Иногда большую проблему легче понять через деталь. Согласно летописям, обоз невесты Ивана III пересек всю Европу с юга на север, направляясь в немецкий порт Любек. Пока он шел по Западной Европе, проблем не возникало. Во время остановок в городах в честь Софьи устраивались пышные приемы, даже рыцарские турниры. А местные власти преподносили воспитаннице папского престола подарки: серебряную посуду, вина; горожанки Нюрнберга вручили Софье целых двадцать коробок конфет. Крупный по тем временам презент, поэтому факт и попал в летописи. Однако чем ближе подходил обоз к Москве, тем больше там возникало волнений. Как неожиданно выяснилось, в голове обоза папский представитель Антонио Бонумбре вез большой католический крест, с которым и собирался торжественно въехать в православную столицу.

В отличие от конфет в летописях нет ни слова о возражениях со стороны Софьи Палеолог по поводу католического креста. Что само по себе говорит о многом. Невеста все-таки была воспитанницей папы римского. Похоже, что вместе с Софьей Риму очень хотелось привезти в Москву и унию.

Короче, вышел скандал. Достаточно сказать, что митрополит Филипп заявил: если католический крест ввезут в город, он немедленно его покинет. Не понравилась идея торжественного прибытия невесты в Москву под католическим крестом и самому Ивану. Поэтому проблему решили кардинально: боярин Федор Давыдович Хромой просто-напросто силой отнял «крыж» (крест) у папского священника, встретив обоз невесты за пятнадцать верст от Москвы. Действительно, какой уж тут католический «крыж», когда в московском воздухе уже витала идея Третьего Рима!

Царьградом после приезда Софьи и ее свиты Москва, разумеется, не стала, но некоторые византийские привычки, особенно склонность к придворной интриге, русская знать усвоила крепко. Византийский менталитет как бы прилагался к двуглавному орлу и царскому титулу. В нагрузку.

¹ Флорентийская уния 1439 года, на которую православная Византия пошла в надежде на помощь католического Рима в отражении турецкого нашествия, представляла собой серьезные уступки католицизму: признание главенства папы римского и принятие ряда католических догматов. На Руси эти уступки были встречены с негодованием. Позже, в 1443 году, Собор православных иерархов в Иерусалиме предал Флорентийскую унию анафеме.

Путь на Русь широк, а из Руси узок

Оседлые иноземцы в немалом количестве появляются в Москве как раз при Иване III. Иностранцы укрепляют и обустроивают Кремль, льют колокола и пушки, организуют артиллерию в московском войске. При сыне Ивана, Василии, эта тенденция только набирает силу. Все больше появляется наемников, из них формируются целые отряды. Один из московских полков того времени в полторы тысячи человек полностью состоял из литовцев и необычайной смеси представителей различных европейских стран.

Именно для них по распоряжению Василия и создали в Москве первое особое поселение – Немецкую слободу, получившую у русских в те времена малопочтенное название Налейка. В отличие от местного населения иностранцам разрешалось держать у себя в слободе корчму и в любое время пить вино. Несмотря на запреты, русские туда частенько заглядывали и просили хозяина корчмы: «Налей-ка!»

В силу различных причин местонахождение в городе Немецкой слободы (напомним, что немцами на Руси долго называли всех иностранцев без исключения) неоднократно менялось, но само по себе поселение не исчезало. Именно Немецкая слобода стала позже важнейшей школой для Петра I. Уроки и опыт, вынесенные Петром в юности из общения с иностранцами в Немецкой слободе, предопределили дальнейшую судьбу России.

О составе Немецкой слободы можно судить довольно точно по переписи 1665 года. Из 204 дворов, переписанных в слободе, 142 принадлежало военным (42 двора – полковникам, 23 – подполковникам, 16 – майорам, 18 – поручикам и т. д.). Пасторам принадлежало 3 двора, лекарям и аптекарям – 4, переводчикам – 3, мастерам – 24. Среди этих мастеров один специалист по литью пушек, два оружейника, девять золотых и серебряных дел мастеров, два часовщика и семь портных. Коммерсантам в слободе принадлежало 23 дома.

Попасть в Россию в те времена было сложно, хотя желающих как раз хватало, поскольку платили русские хорошо. Границу на замке держали соседи: они делали все, чтобы задержать иностранных специалистов, следующих в Москву.

Довольно типична для той эпохи история известного авантюриста XVI века Ганса Шлитте. Он побывал в Москве в годы юности Ивана Грозного, занимался там коммерцией, изучил русский язык и вернулся в Европу в качестве агента московского правительства для установления связей с Западом. Среди прочего агенту вменялась в обязанность вербовка специалистов для направления в Москву.

Чтобы успешно решить задачу, Шлитте, учитывая настроения на Западе, решил самовольно расширить свои полномочия и от лица Ивана Грозного начал переговоры с германским императором Карлом об унии православной церкви с католической. Хитрость помогла, и император дал «униату» разрешение набрать нужных для Москвы специалистов, выставив лишь одно условие: чтобы никто из них не попал к туркам, татарам и вообще в нехристианские земли. В результате Шлитте набрал 123 человека – от магистров различных наук до специалистов по рытью колодцев.

Все они прибыли в Любек для дальнейшего следования в Москву, но здесь и остались. Самого Шлитте власти арестовали под надуманным предлогом, а пока шло разбирательство, собранные им люди разбрелись кто куда. Ганза, лучше других знавшая реальное положение дел на Руси, не могла, естественно, поверить сказкам о возможной унии церквей, зато хорошо представляла себе все последствия укрепления русской армии и экономики.

Усиления Москвы очень боялись и в Польше. Когда Шлитте, убежав из Любека, пробрался в Рим и начал там разыгрывать все ту же карту религиозной унии, то против него решительно выступило польское правительство. Беспокойство оказалось настолько силь-

ным, что поляки решили даже отправить в Рим особое посольство, чтобы указать Ватикану на непримиримое отношение русских к понтифику.

В ответ на блокаду, объявленную Западом, Москва приняла свои меры: стала всячески препятствовать отъезду из России уже прибывших туда иностранцев и максимально использовать тех специалистов, что попадали в московский плен в ходе столкновений с Литвой и Польшей.

Любому иностранцу, попавшему на Русь по доброй воле или нет, если он проявлял желание к сотрудничеству, был обеспечен хороший заработок. Тех, кто принимал православие, просто осыпали подарками. Тех же, кто пытался бежать из России, ждала печальная участь.

Из книги Генриха фон Штадена «О Московской земле и правительстве»:

Иностранцу не требуется сильно согрешить, чтобы быть приговоренным к смерти... Когда его поймают при попытке бежать из страны, помощи ему Бог! Тогда его искусство больше ничего не стоит, не помогут ему также его деньги и имущество. Редко случается, когда иностранец осмеливается бежать из страны, поскольку путь в страну широк, а из страны очень узок.

Москва вела себя по законам военного времени и согласно русской традиции. Всякий поступавший на службу к государю не имел больше права решать свою судьбу без позволения хозяина.

Это касалось всех, даже самых именитых мастеров. Печальная судьба постигла, например, известного итальянца Аристотеля Фиораванти, который не только построил Успенский собор в Московском Кремле, но и в качестве военного инженера и начальника артиллерии участвовал во многих походах русской армии. За настойчивые просьбы отпустить его на родину Фиораванти заключили в тюрьму. Былые заслуги ничуть не помогли.

Что касается пленных специалистов, добытых в ходе войны с Ливонией, то их отправляли не только в Москву, но и в другие города. Только в 1564 году на русской земле расселили свыше трех тысяч пленных иностранцев. Все они распределялись на службу по специальности, получали хорошее жилье и жалованье, многие позже обрусели, приняли православие, а некоторые даже положили начало новым русским дворянским родам.

Относительно достоинств и уровня знаний иностранных специалистов, обосновавшихся в Москве, мнения всегда бытовали разные. Зарубежные историки склонны считать, что на Русь попадали обычно те, кто не находил себе применения на родине, то есть далеко не лучшие, либо откровенные авантюристы, искатели приключений.

Эту версию отчасти подтверждают и русские исследователи. История знает имена многих выдающихся иностранцев, оказавших сильное позитивное воздействие на судьбу России, но в целом духовный, культурный и технический уровень мастеров и военных, по найму прибывавших тогда в страну, был низким. В Москву охотно стекался из разных стран главным образом бродячий военный люд, готовый служить за хорошее вознаграждение любому. Известна, например, история датского пирата Нордведа. Спасаясь от преследования, он покинул свой притон на острове Готланд и бежал в Москву, откуда очень скоро снова удрал, теперь уже к императору Священной Римской империи Карлу V.

Все эти недостатки иностранных специалистов московское правительство видело и даже пыталось как-то экзаменовывать наемников, но предъявлявшиеся требования были низкими, а члены экзаменационной комиссии часто сами оказывались людьми некомпетентными.

Учитывая характер и жизненный опыт наемников – любителей приключений и веселых пирушек, – не удивительно, что история первой Немецкой слободы изобилует рассказами о пьяных драках, дуэлях и скандалах. Один из русских историков делает вывод:

Разгульные обитатели иноземной слободы знакомили туземцев, конечно, не с лучшими сторонами европейской жизни.

Позднее та же Немецкая слобода, наполнившаяся пленными, вывезенными из Ливонии, приобрела, наоборот, некую солидность и стала напоминать провинциальное европейское поселение. Что не удивительно, поскольку новые обитатели слободы прибыли в Москву из европейской глубинки – мест, достаточно удаленных от крупных центров западной культуры.

Вот отзыв иностранца-католика, некоего Маржерета, о явно несимпатичных ему ливонских пленниках-лютеранах, с удобствами обосновавшихся в Москве:

Вместо того чтобы помнить о минувшем бедствии, когда они были уведены из отечества, лишены имущества и стали рабами совершенно грубого и варварского народа, управляемого к тому же государем-тираном, и смириться ввиду своих несчастий, они вели себя так гордо, выступали так высокомерно, одевались так роскошно, что их можно было принять только за принцев и принцесс. Женщины, посещая церкви, наряжались только в бархат, атлас, и самая последняя из них в тафту.

Из сказанного выше очевидно, что большинство иностранцев жило в Немецкой слободе не без удовольствия и комфорта. Если кто-то и воспринимал свое пребывание в Москве как неволю, то уж точно это был плен в золотой клетке.

Два мира – иностранцев и русских, – по-соседски соприкасаясь, в чем-то ладили, а в чем-то оставались на непримиримых позициях, не без презрения поглядывая друг на друга. Это касалось и религии, и быта.

Один из иностранных очевидцев, Адам Олеарий, описывая домашние бани московских немцев, наглядно показывает разницу между их бытом и бытом русских. Устройство бань в Немецкой слободе в основных чертах было то же, что и у остальных москвичей (здесь сказалось местное влияние), но вот в деталях существовала разница. Ступени в немецкой бане обычно покрывались полотном, на полке лежали набитые сеном тюфяки, все было усыпано цветами и благовонными травами, на полу обязательно лежал изрубленный ельник, издававший приятный запах. Роль банщика по обычаю, перенятому у скандинавов, исполняла женщина. «Такой чистоты, – с явным удовлетворением заключает Олеарий, – нечего искать у грязных русских».

У русских был и остается свой взгляд на баню. Так, один российский профессор-гигиенист следующим образом прокомментировал мне этот отрывок:

Что касается благовонных трав, то они использовались в русской бане издавна. Что касается женщин-банщиц, то это, естественно, на любителя. А вот тюфякам, набитым сеном, в бане делать нечего. В русской бане после мытья каждого человека все обрабатывается кипятком, потому и чисто. Сколько заразы и грязи примет на себя тюфяк, представить легко, а вот каким образом в те времена все это потом качественно дезинфицировалось, представить сложно. Разве что всякий раз набивали новый тюфяк для каждого посетителя. Подозреваю, что это было слишком хлопотно. Не знаю, кто входил в баню более грязным – русский или немец, но из бани уж точно более чистым выходил русский.

Кстати, о врачах. Именно они являлись элитой Немецкой слободы. История приводит немало имен известных в Европе врачей, служивших в Москве. Особую славу приобрел бывший лейб-медик шведского короля фон Розенбург, считавшийся и на Западе одним из ученейших мужей. Должности врачей и аптекарей оплачивались щедро, не говоря уже о том, что помимо обслуживания царского двора все они имели большую практику и получали богатое вознаграждение от московских бояр, в основном собольими мехами и продуктами питания.

В отличие от других иностранных специалистов врачи выписывались из Европы на определенное количество лет и никогда не чувствовали себя в Москве пленниками. При всем своем деспотизме русские монархи понимали, что доверять драгоценную государеву жизнь лучше свободному человеку.

«Государю нашему до вашей веры дела нет»

Москва, считавшая себя после падения Византии Третьим Римом и мировым центром истинной веры, естественно, очень внимательно следила за религиозными воззрениями прибывших иноземцев.

Личная свобода вероисповедания гарантировалась всем, каждый у себя дома мог молиться как хотел. Другое дело миссионерская деятельность (она жестко преследовалась) или строительство церквей, на что разрешение давалось властью крайне неохотно, да и то лишь протестантам.

Для русских властей основным критерием в вопросе о религиозной терпимости служила не степень сходства той или иной конфессии с православием, а большая или меньшая ее склонность к прозелитизму. Католицизм с его настойчивой пропагандой своих взглядов, активной миссионерской деятельностью да еще и деловой хваткой представлялся Москве гораздо более опасным противником, чем протестантизм, не обнаруживавший тогда завоевательных тенденций в России.

Заглядывая чуть вперед, замечу, что подобная политика проводилась даже в ущерб интересам православных верующих за рубежом. Во всех дипломатических и торговых договорах, подписывавшихся русскими начиная со времен Ивана Грозного и позднее, доминирует один и тот же подход: Москва не настаивает на строительстве православных церквей за границей, а иностранцы не настаивают на строительстве своих храмов в России.

В 1562 году, заключая договор с Данией, Иван Грозный прямо говорил, чтобы русские купцы не имели своей церкви в Дании, а датские – в России. Коммерция коммерцией, а вера верой. Ту же позицию легко обнаружить и в договоре с Англией: при всех торговых преимуществах, предоставленных Москвой Англо-русской компании, вопрос о вере по настоянию русской стороны был здесь вообще обойден.

За подобной позицией легко прослеживается одна из характерных особенностей Русской православной церкви, которая всегда занималась миссионерской деятельностью лишь на колонизируемых землях с нехристианским населением, но никогда не пыталась вербовать в свои ряды католиков или протестантов. Проводя такую политику, православная церковь считала себя вправе резко реагировать на любые попытки западных миссионеров вторгнуться на ее собственную территорию. Известная у русских поговорка «Чужого не надо, но и своего не отдадим» в полной мере относится и к вопросу вероисповедания.

Отвечая в 1587 году английскому послу Флетчеру, который ходатайствовал, «чтобы вольно было английским гостям, их слугам или кто от них начнет торговать жить в России по своей вере, в своем законе и к иной вере их принуждать не велеть», казначей Траханиотов и дьяк Щелкалов писали:

Государю нашему до их веры дела нет; многих вер люди живут у него в государстве, кроме английских приезжают сюда гости турецкие, цесаревой области [земли австрийского императора], французские, испанские и иных государств, и все они живут по своей вере кто как хочет, и от нее никто их не отводит.

Когда весной 1603 года в Москву прибыло крупное посольство от Ганзы во главе с бургомистром Любека Конрадом Гермерсом, им удалось договориться с Борисом Годуновым практически обо всем, кроме религиозного вопроса. Ганзе разрешалось снова иметь в Великом Новгороде, Пскове и Ивангороде по торговому двору, но только без храмов.

Послам было объяснено, что «позволить построение таких церквей государю никак нельзя, поскольку к нему уже обращались с той же просьбой многие известные христиан-

ские монархи, однако им всем было отказано». Если теперь он разрешит это ганзейским купцам, «то все великие государи, которые напрасно его прежде просили, на него прогневаются».

Действительно, с безуспешными просьбами о строительстве храмов для своих посольств к царю до этого обращались немцы, испанцы, французы, англичане.

В том же ответе ганзейским купцам подчеркивалось: «В вере же, как римской, так и лютеранской, им не будет никакого принуждения, волен каждый оставаться при своей и править в своих домах по ней службу».

Бургомистра Любека подобные аргументы не убедили. Он попытался настоять на своем, ссылаясь на исторический прецедент и особые права Ганзы, имевшей когда-то католическую церковь в Новгороде. Русские чиновники доводы бургомистра вежливо выслушали, но своего решения не изменили.

Лишь изредка настойчивые ходатайства помогали, и протестантские кирки в Москве все же строились. Однако обычно без формального разрешения: власть просто прикрывала на время глаза. Протестантские храмы, в отличие от католических, православная церковь соглашалась терпеть, если только пасторы не заманивали туда русских и все шло тихо и благопристойно.

Получалось это, однако, далеко не всегда. Учитывая, что иноземные поселения стали крупными и разнородными, без склок, естественно, не обходилось и в храме Божьем. Когда иностранцы не были способны быстро погасить скандал, в качестве третьей стороны выступала православная церковь. История сохранила и анекдотичные ситуации.

Вот как излагает один подобный случай Дмитрий Цветаев в книге «Вероисповедное положение протестантских купцов в России», вышедшей в 1885 году:

Перед осадой русскими Смоленска [1632 года], для которой много было нанято за границей иностранного войска, некоторым из служанок в купеческих домах посчастливилось выйти замуж за немецких офицеров. Новые лейтенантши, капитанши и т. п. захотели за богослужением в церкви занимать места ниже бывших своих господ. Купчихам же казалось крайне обидным видеть впереди себя своих прежних служанок. Уступить не хотела ни та, ни другая сторона, и разгоревшийся спор перешел однажды в драку. Мимо кирки проезжал патриарх и, узнав о причинах свалки, сказал: «Я думал, в церковь немцы ходят за благочестивыми мыслями, чтобы отправлять свое богослужение, а не сводить свои тщеславные счета».

В тот же день кирку снесли, и вновь построить ее власть разрешила только подальше от центра.

Бывали, однако, и серьезные поводы для вмешательства. В 1689 году под чужим именем в Москву проник фанатичный последователь немецкого мистика Бёме, некто Квирин Кульман, который проповедовал скорое наступление на земле блаженного царства иезуитов – особых людей, просвещенных истинным христианским учением. В откровениях Кульмана мечты о предстоящем духовном перерождении человечества фантастически переплетались с пророчествами о судьбе европейских государств, на развалинах которых должно образоваться новое иезуитское общество.

Проповеди Кульмана настолько встревожили пасторов, что они, не справляясь с еретиком самостоятельно, обратились за помощью к царю и патриарху. Хотя вся деятельность Кульмана протекала исключительно среди иностранцев, тем не менее московская власть активно поддержала пасторов: еретика арестовали, подвергли пытке и сожгли.

Приходили к русскому патриарху и с другими вопросами. Известен случай, когда иерарху пришлось разбирать скандальное дело между двумя противоборствующими групп-

пами, долгое время соперничавшими за контроль над одной протестантской церковью. Принятое тогда решение можно назвать поистине соломоновым: спорную церковь патриарх приказал снести; тем, кто пожертвовал деньги на ее строительство, возместил расходы; и, наконец, дал разрешение каждой из сторон построить свою собственную церковь.

Уважая в патриархе справедливого судью, иностранцы нередко досаждали ему и по мелочам. Архивы сохранили, например, историю двух женщин-лютеранок, просивших православного иерарха разобраться со случаем двоеженства. На этот раз, правда, патриарх категорически отказался участвовать в разбирательстве, заявив, что православной церкви это дело не касается.

Подозрительное отношение Москвы к католицизму очень хорошо видно из договора 1634 года о торговле с Шлезвиг-Голштинским герцогством. Помимо обычных торговых дел в документе оговаривалось:

На тех дворах, которые у них [иностранцев] будут в указанных для них городах, по двору в городе, беспрепятственно отправлять богослужение по своей лютеранской вере, не строя своих церквей, и под условием подчиниться даже смертной казни виновным, обязываясь не привозить и не держать у себя ни священников, ни простых людей католического вероисповедания.

Несмотря на эти препоны, католические священники тем не менее в Москву регулярно попадали, чаще всего с очередным посольством. А затем под каким-нибудь благовидным предлогом задерживались. До тех пор, пока власть не напоминала непрошеным гостям, мол, пора и честь знать.

Любопытно, что как раз в то время, когда конфессиональные разногласия делили народы и государства Западной Европы на враждебные лагеря, в Москве ни разу не было отмечено никаких отголосков этой борьбы.

Московские кальвинисты и лютеране мирно соседствовали друг с другом. Когда в 1643 году была разрушена церковь кальвинистов, они стали посещать лютеранское богослужение. То же касалось и немногих католиков, которые, не имея собственной церкви, ходили молиться к протестантам. Ревностный католик Патрик Гордон, автор известного дневника, где он описал свою жизнь в России во второй половине XVII века, венчался и крестил детей у протестантов.

История с фанатичным Кульманом стала единственной бурей, нарушившей религиозный покой иностранцев в Москве за многие века. Да и в этом случае осуждение еретика было единодушным.

Православная церковь вмешивалась в жизнь иностранцев только в трех случаях: либо когда они сами этого просили (случай с Кульманом), либо когда бурный скандал среди иностранцев выплескивался на улицу (инцидент с дракой в лютеранской церкви), либо когда иностранцы по неосторожности, хоть в мелочи, чем-то обижали русскую веру.

Примером этого служит история о том, как в Москве иностранцам запретили носить русские костюмы. Во время крестного хода по улицам Москвы патриарх неожиданно заметил в толпе группу людей, не снявших головные уборы. Когда возмущенный патриарх подошел к ним, то оказалось, что это иноземцы, переодетые русскими.

Этого эпизода оказалось достаточно, чтобы принять твердое решение: религиозно «чистые» и религиозно «нечистые» должны быть отделены друг от друга не только церковным забором или языком, но и внешне. «Нехорошо, – заявил патриарх, – что недостойные иностранцы таким случайным образом также получают благословение».

Русские, шведы, поляки, ирландцы, итальянцы и прочая «неотесанная» компания

Большинство сегодняшних россиян обвинение в варварстве отвергнет, без сомнения, с возмущением, но стоит заметить, что еще в 1854 году известный русский философ и публицист Александр Герцен этот малоприятный упрек в адрес своих соотечественников считал справедливым. Зато, замечал он, свежий «варварский» взгляд русских высвечивает на Западе самые неприглядные стороны европейской жизни.

В письме издателю журнала «L'Homme» Герцен пишет:

Знаменитое *grattez un Russe et vous trouverez un barbare* [Поскоблите русского, и вы обнаружите варвара] – совершенно справедливо. Кто в выигрыше, я не знаю... варвар этот – самый неприятный свидетель для Европы. В глазах русского она читает горький упрек... Дело в том, что мы являемся в Европу с ее собственным идеалом и с верой в него. Мы знаем Европу книжно, литературно, по ее праздничной одежде, по очищенным, перегнанным отвлеченностям, по всплывшим и отстоявшимся мыслям, по вопросам, занимающим верхний слой жизни, по исключительным событиям, в которых она не похожа на себя. Все это вместе составляет светлую четверть европейской жизни. Жизнь темных трех четвертей не видна издали, вблизи она постоянно перед глазами... Одно – слово, другое – дело; одно – стремление, другое – быт; одно беспрестанно говорит о себе, другое – редко оглашается и остается в тени; у одной на уме созерцание, у другой – нажива... Тягость этого состояния западный человек, привыкший к противоречиям своей жизни, не так сильно чувствует, как русский... Русские законы начинаются с оскорбительной истины «царь приказал» и оканчиваются диким «быть по сему». А ваши указы носят в заголовках двоедушную ложь, громовой республиканский девиз и имя французского народа. Свод законов точно так же направлен против человека... но мы знаем, что наш свод скверен, а вы не знаете этого.

Воды с тех пор утекло немало, но и сегодня, когда русский человек получил возможность свободно выехать на Запад, пожить там, узнать его не по глянцевым рекламным изданиям, а вживую, реакция многих россиян на увиденное за рубежом весьма схожа с той давней, описанной Герценом. Возвращаясь домой, кто-то из русских с немалым облегчением, а кто-то с горечью констатирует, что рекламный образ Запада с реальностью стыкуется мало. «Не такие уж мы варвары», – делают вывод одни. «И они всё еще варвары», – говорят другие.

Если в подобных выводах есть определенный резон в XXI веке, то нетрудно представить, насколько варварской была эпоха Средневековья.

Реакция иностранцев на русских в те давние времена была, как правило, негативной. Приезжий иностранец, впервые столкнувшись с еще незрелой московской цивилизацией, да к тому же проникнутый точно такой же религиозной нетерпимостью, что и сами русские, воспринимал Московию как странную и опасную страну, населенную малоприятными существами, живущими по диким законам.

Никто из иностранцев той эпохи не пытался даже поверхностно разобраться в причинах отставания русских от остальной Европы.

Ключевский по этому поводу резонно замечал:

Наш народ поставлен был судьбой у восточных ворот Европы, на страже ломившейся в них кочевой хищной Азии. Целые века истощал

он свои силы, сдерживая этот напор азиатов, одних отбивал, удобряя... степи своими и ихними костями, других через двери христианской церкви мирно вводил в европейское общество... Так мы очутились в арьергарде Европы... Но сторожевая служба везде неблагодарна и скоро забывается, особенно когда она исправна: чем бдительнее охрана, тем спокойнее спится охраняемым и тем менее расположены они ценить жертвы своего покоя.

Все свидетельства иностранцев о Москве того времени довольно схожи. Авторы отмечают рабское положение народа и деспотизм царя, с чем не поспоришь. Многие обращают внимание на подчинение церкви государству, что также в целом верно. Разноречивы отзывы о военном потенциале Московии: кого-то он пугал, кто-то относился к нему иронически. Очевиден интерес к русскому рынку: он и в те времена представлялся Западу огромным и многообещающим. Наконец, у всех путешественников в мемуарах не без ужаса говорится о русской зиме.

Но главное – везде немало места уделено характеру русского народа. Больше всего у иностранцев рассуждений о тяге русских к суевериям и пьянству, о русской грубости. Даже итальянец Амброджио Контарини, посол, которому Иван III оказал самый теплый прием, замечает:

Русские очень красивы, как мужчины, так и женщины, но вообще это народ грубый. У них есть свой папа, как глава церкви их толка, нашего же они не признают и считают, что мы вовсе погибшие люди.

Из редкого позитива некоторые иностранные авторы отмечают честность русских, отсутствие в их среде супружеских измен и небольшое количество в Москве по сравнению с западными городами публичных женщин. Все остальное – довольно злой негатив.

Чтение в подлиннике всех этих старых мемуаров у современного русского человека может вызвать недоумение и обиду – столько там оскорбительных эпитетов в адрес его далеких предков. Правда, прежде чем обижаться, стоит почитать записи путешественников и писателей того же периода, но о других европейских странах и их обитателях. Тогда многое встанет на свои места.

Один из путешественников, чтобы продемонстрировать дикость русских, заявляет: «Они точно такие же варвары, как ирландцы».

Средневековые польские авторы, любившие позлословить о русских, не лучше отзывались и о шведах. У шведа, согласно тогдашнему польскому стереотипу, вообще «селедка вместо головы». Известный польский писатель Миколай Рей утверждал, что в Дании и Швеции живут «не слишком просвещенные, подлые и гадкие людишки, сравнимые в своем бытовом варварстве разве что с москвитями». (Заметим, что шведы и датчане были в те времена не менее, а, пожалуй, более просвещенными, чем поляки.) Те же аргументы поляки использовали и в 1574 году при отклонении шведской кандидатуры на польский престол. В сочинении «Разговор Леха с Пястом» можно прочитать, что шведы неотесанны и неискренни подобно итальянцам. «Вежливости там не сыщешь: дикие люди», – заключает анонимный польский автор.

Итак, русские оказываются уже в довольно большой, правда крайне «неотесанной», компании со шведами, датчанами, ирландцами и итальянцами. Но как быть с самими поляками? О них ведь также было написано тогда немало.

Скандинавов поражали «заснайство, склочность и разгильдяйство» обитателей Речи Посполитой. Более того, шведы были убеждены, что поляки склонны к множеству вредных суеверий, общаются с дьяволом, убивают младенцев, а их отрезанные головки помещают на алтарях. С течением времени нелепых выдумок о поляках в Швеции поубавилось, но презрительное отношение к ним сохранялось долго. Магнус Стенбок, шведский фельдмаршал

времен Карла XII, любил повторять, что с поляками нужно поступать как с дрессированными щенками: можно их ласково похлопывать и гладить по голове, но при этом нужно и стегать плеткой по задку.

Если верить шведам, то и поляков следует отнести к той же самой «неотесанной» компании. И так далее. В конце концов в одном ряду с русскими окажутся все европейские народы без исключения.

Хорошо известно, в каком тоне писали в те славные времена католики о протестантах, а протестанты о папе римском и католическом монашестве. Само мирозерцание Средневековья покоилось прежде всего на фанатичной вере, на авторитетах и делах веры. Любой иноверец, таким образом, априори считался варваром, и ему приписывались все пороки, какие только могли по случаю вспомнить.

Не без греха, естественно, в этом смысле и сами русские. Мало кто из нынешних россиян помнит о той нетерпимости, с какой относились во времена Средневековья наши предки к иноземцам – существам, по их мнению, низшим и нечистым.

Один из европейских путешественников, комментируя в своих мемуарах запрет православного патриарха на ношение иностранцами русской одежды, с иронией заметил, что это распоряжение было для них примерно таким же наказанием, как если бы рака приказали утопить в озере. Мемуарист побывал в Московии проездом, а потому явно не понял суть проблемы. На самом деле все не так просто.

Желание носить русское платье возникло у жителей Немецкой слободы не случайно: в те времена появление иноземца на улицах Москвы вызывало у простого и необразованного люда приблизительно такую же реакцию, какую вызвал бы сегодня очутившийся на городской площади марсианин. Далеко не всем иностранцам подобная реакция, в которой сквозило не только детское любопытство, но и брезгливый ужас, могла нравиться. Желание смешаться с толпой в подобной ситуации понятно. Так что пример с раком, брошенным в воду, неудачен. Несчастливого рака по приказу патриарха, наоборот, вытаскивали из воды и бросали на жаровню.

Если иноверец входил в русскую церковь, она считалась оскверненной. В русских богослужебных книгах XVII века был чин очищения церкви, куда вошел иноверец, абсолютно тождественный с чином очищения церкви, если туда случайно забежала собака.

Присутствие иноверца оскверняло иконы даже в домах частных лиц. В деревнях крестьяне после поста иноземцев приглашали в избу попа, который должен был вновь освятить иконы. Есть свидетельство, что, когда один немец купил у русских каменный дом, бывшие хозяева выскребли все иконы, написанные на стенах, на штукатурке, и даже пыль от них унесли с собой, чтобы иностранец не оскорбил своим взглядом русских святых.

Отношения между русскими и иноземцами того периода – это история о том, как варвар варвара жить учил. Если говорить о технологиях и общем культурном уровне, то тогдашняя Русь от Запада, конечно, отставала в силу уже названных исторических причин. Если же говорить о морали, терпимости, способности услышать и понять собеседника – а именно это в конечном итоге и определяет уровень подлинной цивилизации, – то дикарями оставались обе стороны. И довольно долго.

Стереотипы как камень, и они разрушаются, но на это требуется изрядное время. На рубеже XVIII–XIX веков русский историк Карамзин писал:

...Если бы одним словом надлежало означить народное свойство англичан, я назвал бы их угрюмыми так, как французов – легкомысленными, италийцев – коварными.

Во второй половине XX века известный немецкий писатель Генрих Бёлль все еще отмечал «беллетристические предрассудки» и штампы в западноевропейской литературе:

...Русские непременно с бородой, одержимые страстями и немного фантазеры; голландцы неуклюжие и, как дети, наивные; англичане скучные или немного «оксфордистые»; французы то чрезмерно чувственные, но невероятно рассудочные; немцы либо целиком поглощены музыкой, либо беспрестанно поглощают кислую капусту; венгры, как правило, безумно страстные, таинственные и накаленные, как нить электрозажигалки.

Дурно и смешно, конечно, но это все-таки уже и не отрезанные младенческие головки на алтарях. Прогресс несомненен, хотя до объективного взгляда на соседа еще далеко. Камень (предрассудков и стереотипов) серьезно искрошился и измельчал. Правда, одновременно оброс новыми наслоениями мусора. Прав Дидро, обративший внимание на то, как легко «образованному народу отступить в варварский быт». И уж тем более отступить к варварской психологии.

Тогдашний европеец, сурово судивший москвитов за дикость нравов, сам пока еще столь легко возвращался к варварству, что говорить о его превосходстве не стоит. Иван Грозный, которого иностранцы часто называли дикарем, справедливо пенял французскому королю за Варфоломеевскую ночь.

Как бы то ни было, контакт был установлен.

Часть вторая

Первые «русские европейцы». От Ивана до Петра

На западников и «патриотов» (антизападников) русские разделились очень давно. Причем ни тот ни другой лагерь никогда не был ни монолитным, ни однородным. И там и тут полудрагоценные и драгоценные камни соседствовали с пустой породой и никчемным мусором. Так что сами по себе ярлыки помогают здесь мало.

Некоторые из патриотов в былые времена умудрились увидеть нечто дьявольское даже в привезенном из-за рубежа картофеле. Позже их идейные потомки обнаружили бесов уже в джинсах. Для такого рода людей русская вода всегда была мокрее, чем на Западе. Подобные крайности философ Николай Бердяев называл «детским славянофильским самодовольством». Другие патриоты, гордясь своим прагматизмом, готовы были брать у иностранцев технологию и комфортный быт, но одновременно выстраивали железные надолбы на пути любой заграничной идеи.

Были, однако, в том же лагере всегда и те, кто, стараясь сохранить русскую самобытность, к западным ценностям подходил критически: перенимая полезное, решительно отказывался от ненужного хлама. Бердяев уважительно называл их «первыми русскими европейцами, так как они пытались мыслить по-европейски самостоятельно, а не подражать западной мысли, как подражают дети».

Это уже, естественно, камень в огород западников. В этом лагере тоже всегда хватало своих собственных «городских сумасшедших». Все тот же Бердяев писал:

В радикальном западничестве русской интеллигенции всегда было очень много не только... чуждого Западу, но и совершенно азиатского. Европейская мысль до неузнаваемости искажалась в русском интеллигентском сознании. Западная наука, западный разум приобретали характер каких-то божеств, неведомых критическому Западу.

Слово «божество», использованное в данном случае Бердяевым, не кажется чрезмерным, если вспомнить слова известного русского западника Герцена:

...Идеал наш, наша церковь и родительский дом, в котором воспитались наши первые мысли и сочувствия, был *западный мир*.

Если у крайних националистов то и дело вырывалось на свет божий напыщенное самодовольство, то западникам-радикалам принадлежит немало высказываний, за которыми сквозит откровенное презрение к собственному народу. Предтеча русских революционеров – известный литературный критик XIX века Виссарион Белинский утверждал:

Люди так глупы, что их насильно нужно вести к счастью.

Он же заметил:

Не в парламент пошел бы освобожденный русский народ, а в кабак побежал бы он, пить вино, бить стекла и вешать дворян...

В 1917 году, в канун выборов в Учредительное собрание, большевик Володарский, тот же западник-радикал (ленинцы на азиатский манер довели до абсурда идеи западных социалистов), эхом повторил Белинского. Володарский заявил, что русский народ «не страдает парламентским кретинизмом», а потому Учредительное собрание должно стать «последним парламентским собранием в России».

Мысль о том, что людей «насильно нужно вести к счастью», была подсказана большевикам не только Марксом и Энгельсом, но и многими отечественными западниками.

Впрочем, и здесь, естественно, далеко не все выступали с радикальных позиций. В приведенном выше признании Герцена, что западный мир был для него и его соратников «родительским домом и церковью», не менее важны и другие слова публициста – о «первых мыслях».

У кого-то из западников «вторых мыслей» так и не появилось, а «первые» стали непреложными заповедями, но для других, в том числе и для самого Герцена, материал, почерпнутый на Западе, был лишь отправной точкой, импульсом к новым идеям.

«Русские европейцы» встречались в этом лагере не реже, а, пожалуй, даже чаще, чем в кругу их оппонентов. Критически перенимая чужой опыт, здравомыслящие западники не раз и не два в русской истории приходили на помощь беспомощной, но всегда «патриотической» власти, помогая России догнать Европу.

Если говорить о полюсах, то на знамени антизападников можно было бы написать «*Primum non nocere*» («Главное не навредить»), а у западников – «*Primum agere*» («Главное действовать»). Но это крайности.

Здравомыслящий центр – «русские европейцы» из того и другого лагеря – обычно выбирал компромиссный вариант: действовал, но с оглядкой. Если внимательно перечитать русскую историю, изначально отказавшись от идеологических предпочтений, то грань между прагматичным патриотом и умеренным западником окажется почти неуловимой. Разве что у первых чуть больше страха за национальную самобытность, а у вторых чуть больше деловой хватки.

В советские времена в прессе бытовал штамп «тлетворное влияние Запада». «Глетворный», как поясняет толковый словарь русского языка Владимира Даля, значит «вредоносный, медленно гниющий, гибельный». Штамп советский, но сама по себе мысль об опасности западного влияния родилась задолго до появления Советов, а главное – не умерла вместе с ними. Эта мысль по-прежнему популярна среди русских патриотов различных идейных оттенков и очень разного интеллектуального уровня. В том, что говорят патриоты, как и прежде, есть свои резоны, но есть и не менее очевидные противоречия и нелепости.

Главная беда в том, что русский национализм, как и любой иной национализм, страдает хроническим недугом – избирательной памятью. Обмен идеями и генами между Россией и Западом идет давно и плодотворно, но большинство русских до сих пор намного больше знают о минусах, чем о плюсах западного влияния на русскую жизнь. Хотя и таких исторических примеров хватает.

Между тем крайне вредно избирательно помнить, что вертолетостроение в США началось с русского эмигранта Сикорского, но вычеркивать из памяти тот факт, что лучший толковый словарь русского языка, на который я только что ссылался, написал Владимир Даль, чей отец был датчанином, принявшим русское подданство, а мать – немкой. Для национальной психики американцев опасно из всей истории Второй мировой войны помнить только Пёрл-Харбор и высадку в Нормандии. Но не менее нездорово для русских пребывать в уверенности, что люди во Вторую мировую войну гибли лишь в окопах Сталинграда или на Курской дуге. Были еще и трагические «северные конвои» – разве можно забывать о них?

В этом смысле русский ура-патриот – близнец американского, французского, мексиканского или нигерийского ура-патриота. Они похожи между собой, как все страдающие болезнью Дауна.

Прорыв блокады. Иван Грозный делает ставку на Англию

Московию, отрезанную в 50-х годах XVI века от Западной Европы географически да к тому же блокированную Литвой, Польшей и немцами политически, от тотальной изоляции спасли экономический кризис в Англии, счастливый случай и политическая прозорливость Ивана Грозного.

Как раз в этот период наступили не лучшие времена для английских купцов: спрос на английские товары в Европе резко упал, а цены на импорт поползли вверх. Чтобы найти новые рынки сбыта, англичане пошли по тому же пути, что до этого испанцы и португальцы. После долгих совещаний со знаменитым мореплавателем Себастьяном Каботом в 1553 году Англия решила отправить три корабля для разведки новых территорий и поисков возможного северного пути в Китай и Индию.

Как и в случае с Колумбом, мореплаватели оказались не там, где планировали, но усилия и риск организаторов экспедиции окупались. Два судна с экипажами замерзли во льдах, а третье, «Edward Bonaventure», вместо жаркой Индии оказалось на Русском Севере – в дельте реки Двины, у стен Николо-Корельского монастыря. Капитан корабля Ричард Ченслер, узнав, где он находится, и быстро оценив возможные выгоды сотрудничества с русскими, решил отправиться в Москву к царю. Иван Грозный, в свою очередь, прекрасно понял, какие огромные возможности появляются у русских в результате открытия новых северных ворот в Европу, и оказал гостю самый теплый прием.

На родину англичанин вернулся с конкретными предложениями о торговле, дружбе и сотрудничестве. Речь шла о крупнейшем по тем временам торгово-экономическом проекте. Создавалась Англо-русская компания с немалыми финансовыми инвестициями в российскую экономику и широчайшими полномочиями для агентов компании.

Русские, стараясь выйти из изоляции, готовы были предоставить англичанам небывалые для иностранцев льготы. Договор предусматривал исключительно выгодные условия:

Члены, агенты и служащие компании имеют свободный путь всюду, везде имеют право останавливаться и торговать со всеми беспрепятственно и беспошлинно, а также отъезжать во всякие другие страны.

Последний момент был особенно важен для англичан, поскольку давал им возможность, используя русскую территорию, получить доступ в Персию и дальше.

Англичане приобретали полную свободу в найме персонала, наказании и увольнении сотрудников. Всеми работающими на компанию управлял специальный представитель, направляемый из Англии, так называемый «главный фактор» (от англ. *factory*), – именно он имел право вершить над ними «суд и расправу». Русские власти обязывались помогать главному фактору в случае непослушания кого-либо из англичан.

Москва брала на себя также обязательство все жалобы англичан на русских рассматривать быстро и наказывать провинившихся строго, «в пример другим». Одновременно предусматривалось, что если англичанин будет арестован, то он не может быть посажен в тюрьму без предуведомления руководства компании. Кроме того, в этом случае особо оговаривалось право освобождения арестованного под залог. Наконец, договор гласил, что товары компании не могут быть нигде задержаны «ни за какой долг, если англичане не являются главными должниками».

Подобного договора самолюбивая Россия ранее не подписывала ни с кем. Поступившись многими суверенными правами, Москва, однако, и получала многое: английская

корона давала согласие на свободный выезд из Англии в Россию художников и ремесленников, мастеров любых профессий.

Блокаду удалось прорвать. В Россию потекло главное для нее богатство – западноевропейские знания.

Как «невежда в политике» переиграл польского короля

Противники России предприняли всё, чтобы убедить англичан отказаться от сотрудничества с Москвой.

Любопытны письма польского короля Сигизмунда королеве Елизавете в 1567–1568 годах, где он сетует, что, используя торговлю с Англией, Россия получает не только вооружение, необходимое ей для войны, но и специалистов, распространяющих среди русских полезные сведения и технические знания.

13 марта 1568 года Сигизмунд пишет:

Мы видим, что москвит, этот враг не только нашего царства временный, но и наследственный враг всех свободных народов, благодаря... недавно заведенному мореплаванию, обильно снабжается не только оружием, снарядами, связями, чему, как ни много всего этого, еще можно положить конец, но мы видим, что он снабжается именно художниками, которые не перестают выделывать для него оружие, снаряды и другие подобные вещи, до сих пор невиданные и неслыханные в той варварской стороне. И сверх того, что всего более заслуживает внимания, он снабжается сведениями о всех наших, даже сокровеннейших, намерениях, чтобы потом воспользоваться ими, чего не дай Бог, на гибель всем нашим. Зная все это, мы полагаем, не должно надеяться, чтобы мы оставили такое мореплавание свободным.

Последняя угроза британским морским волкам была, конечно, блефом и свидетельствует лишь об отчаянии короля Сигизмунда.

В другом письме всё то же:

Мы видим, что москвит с каждым днем становится сильнее. До сих пор мы являлись победителями его потому только, что он дикарь в искусствах и невежда в политике. А если эти морские сообщения продолжатся, что останется ему неизвестным? С теми предметами, которые привозятся в Нарву и которые делают его все искуснее в военных делах, он будет, сохрани Бог, побивать или покорять всякого, кто станет ему противиться!

Какие донесения из Москвы ложились на стол обеспокоенного короля Сигизмунда, можно легко представить из записок некоего Роберта Беста, описавшего тогдашнюю обстановку при дворе Ивана Грозного:

Я думаю, в христианском мире нет государя, которого его подданные дворянского и простого сословия боялись бы больше и вместе с тем больше любили. Он не очень любит соколиную и псовую охоту и другие забавы, ни инструменты или музыку; но находит для себя благороднейшее наслаждение в двух вещах: во-первых, в богослужении – он, бесспорно, очень усерден в своей вере, и, во-вторых, как бы покорить и завоевать своих неприятелей.

Далее Бест подробнейшим образом рассказывает о ежегодных стрельбах из нового оружия, проводившихся в Москве: орудия палили в специально выстроенные деревянные дома, заполненные землей, а из ружей стреляли по ледяным глыбам, также специально подготовленным для этого случая. Стрельбы проходили под контролем царя, государь внимательно оценивал результаты испытаний. Если верить Бесту, то в каждом таком испытании

принимали участие до пяти тысяч (!) стрелков. Понятно, что подобная информация из Москвы не могла не беспокоить ее противников.

Протесты Сигизмунда впечатления на Англию не производили: очевидная выгодность торговли с Россией, а через нее и с другими партнерами перевешивала любые аргументы польского короля. Если Ватикан в то время был обеспокоен вопросом церковной унии с русскими, а Польшу тревожили вопросы военные и политические, то Англию интересовала в России исключительно торговля.

В Москве все это прекрасно понимали. Русский царь, «невежда в политике», по словам Сигизмунда, явно переиграл польского короля.

Если во времена Ивана III у Московского государства появилась внешняя политика, то при Иване IV Москва уже четко видела перед собой не «вообще Запад», а начала умело играть на противоречиях между различными европейскими странами. Запад перестал быть для русских однообразно плоским и однозначно враждебным, здесь обнаружились холмы и овраги, то есть партнеры и противники.

Пояснения требует упоминание в письмах Сигизмунда о Нарве. В самом начале Ливонской войны, в мае 1558 года, русские войска взяли Нарву, и таким образом Москва получила на время – до 1581 года, когда этот важный форпост на Балтике был вновь утерян, – одну из лучших гаваней на Балтийском побережье.

Нарва стала любимым детищем Ивана Грозного. Русские быстро восстановили город после штурма и помогли местным жителям оправиться от военного разорения, выдав им зерно, лошадей и скот. Городу даровали право беспошлинной торговли с Московским государством, а также возможность свободно сноситься с другими странами. Иноземцам в Нарве гарантировалась личная безопасность и различные торговые льготы. Нарва, по замыслу Москвы, должна была стать контрольно-пропускным пунктом России на западной границе, ей отводилась роль Новгорода, но только уже под строгим присмотром властей.

Русское присутствие в Нарве, как пишет автор известной книги «Москва и Запад» историк Сергей Платонов, «произвело сильное впечатление в заинтересованных кругах Германии и Скандинавских государств». На руку русским сыграли и тогдашние разногласия среди европейских конкурентов. Если до этого всю ганзейско-русскую торговлю твердо держали в своих руках ливонские города, и более всего Ревель, то теперь в Нарву, минуя Ревель, шли купеческие суда из Любека и западных ганзейских городов. Кроме всего прочего Нарва позволила Европе открыть новый путь для получения русского сырья, а здесь скрывались немалые прибыли.

Результатом жесткой конкуренции, спровоцированной укреплением русских в Нарве, стало появление на Балтике множества каперских судов. Москва не отставала от других и имела собственных каперов под командованием немца Карстена Роде. Он защищал «своих» и немилосердно грабил «чужих», за что в конце концов и угодил в датскую тюрьму.

В кратчайшие исторические сроки не только сама Москва, но и вся страна наполнилась иностранцами. Англичане обосновались на севере – в Поморье, в Вологде, в Ярославле. Не менее активно действовали они тогда и на всем пути в Среднюю Азию. Тут же рядом с англичанами появились голландцы, которые немедленно воспользовались северным путем и, в свою очередь, расположились в мурманской гавани, на Северной Двине и по всему пути от северных Холмогор до Москвы. Они же начали делать большие деньги в Новгороде и Нарве.

Голландцы, кстати, покончили и с эксклюзивными правами англичан. Те долго протестовали против проникновения на Русский Север конкурентов, аргументируя свои требования тем, что им стоило немало труда наладить северный маршрут в Россию, а потому англичанам положены и особые привилегии. Москва эти притязания дипломатично

отвергла, резонно заметив, что «океан-море – великая Божья дорога», а не чья-то собственность, следовательно, этот путь узурпировать нельзя.

К англичанам и голландцам, наводнившим русскую землю, следует добавить «немцев» из Ливонии, то есть разнообразных по национальности пленников, расселенных московскими властями по различным русским городам, и, наконец, уже настоящих немецких купцов, проникавших через Нарву в самые разные уголки страны.

Количество, как и положено, стало постепенно переходить в качество. Иностранец уже не шокировал, как прежде. На него взирали теперь не с ужасом или религиозной брезгливостью, а с нарастающим любопытством.

Влияние Запада на Московию становилось неизбежным.

Первый идейный контакт. Иван Грозный и Ватикан

Одним из первых, кто вступил не только в дипломатический, деловой, но и идейный контакт с Западом, был царь Иван IV. Это естественно. В тогдашней самодержавной и догматически православной России лишь правящая элита имела достаточное образование и право думать самостоятельно. А самым свободным из элиты являлся самодержец: Юпитеру позволено все.

Иван IV первым из московских государей, как пишет Ключевский, «узрел и живо почувствовал в себе царя в настоящем библейском смысле, помазанника Божия». Только в такой броне и представлялось возможным безбоязненно выходить на первое идейное сражение с иноверцами. К тому же, ведя свой род от Пруса, Иван Грозный, как свидетельствуют летописи, сам себя любил называть немцем. Точно неизвестно, насколько Иван Грозный верил в свою мифическую родословную, но не исключено, что и это внутреннее ощущение западных корней (пусть не от Пруса и Августа, но, во всяком случае, от Рюрика) также облегчало путь к неформальному общению с иностранцами.

Свою роль сыграли и особенности личности Ивана IV. Царь вошел в историю человеком жестоким и вспыльчивым до сумасшествия, что в целом соответствует истине. Известно, как в 1577 году на улице в ливонском городе Кокенгаузене, захваченном русскими, царь благодушно беседовал с пастором на любимые им богословские темы. Однако когда его оппонент имел неосторожность сравнить Лютера с апостолом Павлом, царь неожиданно пришел в ярость, ударил пастора хлыстом по голове и ускакал со словами: «Пошел ты к черту со своим Лютером!»

В другое время Иван приказал изрубить присланного ему из Персии слона, не пожелавшего подчиниться приказу дрессировщика и встать перед царем на колени. Из-за одного подозрения, ничего не проверив, Иван Грозный, по замечанию одного из историков, так бесчеловечно и безбожно разгромил Новгород с целой областью, как никогда не громили русских городов даже татары.

Но тот же Иван, и этому тоже есть множество свидетельств, был человеком крайне увлекающимся, натурой творческой и любознательной. Его записи и речи свидетельствуют о беспорядочной, но большой начитанности, а в вопросах богословских Грозный являлся экспертом. Ключевский утверждает:

Иван – один из лучших московских ораторов и писателей XVI века, потому что был самый раздраженный москвич того времени. В сочинениях, написанных под диктовку страсти и раздражения, он... поражает жаром речи, гибкостью ума, изворотливостью диалектики, блеском мысли...

Очевидно, что такая личность не могла не проявлять интереса к новым людям и необычным идеям.

Эпизод с пастором, описанный выше, свидетельство не столько религиозной нетерпимости Ивана, сколько его психической неуравновешенности. В 1570 году в своих палатах царь совершенно спокойно беседовал о вере с пастором польского посольства чехом Яном Рокитой, известным богословом, принадлежавшим к секте моравских братьев. В числе других членов секты Роките пришлось выехать из Чехии в Польшу. Богословский диспут проходил в присутствии бояр, польских дипломатов и православного духовенства. Сначала в подробном вступлении Иван Грозный изложил свою позицию протестантскому богослову, а затем приказал ему защищаться «вольнo и смело», без всяких опасений.

Царь внимательно и терпеливо выслушал речь пастора, а позже, тщательно всё взвесив, написал на эту речь пространное опровержение. Этот богословский трактат до XIX века

распространялся в рукописном виде и пользовался большой популярностью среди московских и западноевропейских книжников. Рокита также изложил свои прения с царем письменно, и его труд был опубликован в латинском переводе в 1582 году.

Интересно, что если с протестантами и простыми католиками (этому также есть свидетельства) Иван мог дружелюбно спорить о религиозных догматах, то дискутировать о вере с официальным представителем Ватикана царь не желал. Сказывалась старая предубежденность против католицизма. Царь готов был беседовать с посланцами папы о политике и торговле, но только не об унии двух церквей. Между тем именно в то время интерес Ватикана к России серьезно возрос. Каждый раз, когда турецкий султан угрожал Европе, а делал он это часто, Ватикан начинал смотреть на Россию как на потенциального союзника, способного открыть второй фронт против мусульман и тем самым ослабить турецкое давление.

Во второй половине XVI века в Римской курии конкурировали между собой две оппозиционные группы: первая, сформированная под польским влиянием, считала русских врагами христианства. Другую позицию занимали влиятельные тогда венецианцы, считавшие союз с Московией необходимым условием для победы над турками. При этом, естественно, подразумевалось, что в конечном счете Московия должна подчиниться понтифику. Об этом писали многие, в том числе великий итальянский гуманист Энеа Пикколомини, известный также как Пий II, и итальянский философ Томмазо Кампанелла. Именно эта венецианская группа и предложила направить к Ивану Грозному опытного дипломата.

Тем более на тот момент представился и удачный предлог. Москва и Польша, уставшие от войны, искали посредника, способного помочь им заключить мир. В качестве такого посредника и отправился в Москву дипломат-иезуит Антонио Поссевино. В иезуитском ордене Поссевино числился на хорошем счету за свои успехи в работе с северными странами, где ему удалось обратиться в католицизм шведского короля Иоанна III.

Перед посланником Ватикана стояло несколько важных задач: заключение мира между русскими и поляками, установление торговых отношений между Московией и Венецией, привлечение царя к антитурецкому союзу и, наконец, самое важное и трудное – реализация решения о воссоединении двух церквей, принятого Флорентийским собором в 1439 году.

Позже, подводя итоги своей миссии, Поссевино отметит, что Иван IV проявил немалый дипломатический талант при заключении договора с Польшей. Когда же зашел разговор о религии, царь просто сказал, что данный договор невозможен.

О перспективах распространения католицизма в Московии Поссевино в своих записках отзывается скептически, так как, по его мнению, о католицизме русские ничего не знают, а если что и слышали, то лишь оскорбительные отзывы со стороны греков. Чтобы изменить ситуацию, Поссевино предлагал членам ордена для начала заняться изучением русского языка, а главное – напечатать в Вильно, где существовал иезуитский колледж, книги, необходимые для миссионерской деятельности в России.

Таким образом, миссия Поссевино закончилась удачно для Москвы и неудачно для Ватикана. Был решен вопрос о мире с Польшей, причем, как следует из комментария католического представителя, с выгодой для русских. Удалось решить вопрос о торговле с Венецией, но Москва и сама здесь стремилась к успеху. Зато провалом закончились попытки Поссевино даже поговорить всерьез о возможности унии и союза с Россией против турок. А именно это и являлось главной целью поездки иезуита.

Настойчивое желание царя уклониться от диспута с Поссевино по богословским вопросам объяснялось не только религиозными мотивами. Царь откровенно признавал, что не хочет нарушать политическое согласие неизбежной ссорой. Уже в инструкции, данной царем приставу, который должен был на границе встретить посланца Ватикана и проводить его в Москву, строго указывалось: «...а будет [Поссевино] заирать и говорить о вере, о греческой или римской», от дискуссии уклониться и отвечать, что «грамоте, мол, не учивался».

Примерно ту же тактику избрал царь и в ходе переговоров. На все попытки посла перейти к главному для него вопросу об унии Иван отвечал, что об этом можно побеседовать и потом, сначала необходимо решить дела политические, то есть подписать мир с Польшей. Грозный знал: религиозный поединок успеха никому не принесет.

Чтобы избежать неприятной беседы, выдвигался и еще один хитроумный аргумент. Всемогущий царь неожиданно заявил посланнику Ватикана, что не имеет права обсуждать столь важные вопросы «без благословенья» православного духовенства. Если учесть подчиненное положение русской церкви во времена правления Ивана Грозного, то этот довод представляется явно надуманным. «Помазанник Божий» не нуждался в разрешении и благословении патриарха, чтобы побеседовать с католиком даже на такую щепетильную тему, как уния.

Лишь когда мир с Польшей заключили, а Поссевино вновь настойчиво напомнил царю об обещанной аудиенции, чтобы поговорить об унии, Иван Грозный согласился на разговор, но распорядился, чтобы беседа была официально записана дьяками.

Из этого письменного протокола видно, как Иван, сам опытный богослов, целенаправленно свел серьезный разговор к пустякам, шутливой перебранке на уровне малограмотных семинаристов. Сначала Иван в насмешку поинтересовался, почему Поссевино стрижет бороду, раз он поп. Потом иронически стал рассуждать о том, что на сапогах у папы римского изображен крест и ему целуют ноги, хотя ниже пояса «всякой святыне быть непригоже».

Поссевино попытался поначалу всерьез оправдываться, заявив, что бороды он не стрижет, а папе люди кланяются, потому что почитают. В доказательство посланник Ватикана даже сам поклонился в ноги московскому государю, чтобы продемонстрировать почтение. Ивана Грозного этот жест, однако, ничуть не тронул. «В ноги людям падать непригоже», – заметил он, а папе римскому пристало не гордиться, а «показывать смиренья образ».

Последней точкой в короткой беседе стало заявление царя, что «тот папа, который не по Христову ученью и не по апостольскому преданью начнет жить, это волк, а не пастырь». Поняв, что царь с ним играет и серьезного разговора не будет, Поссевино замолчал, заметив лишь, что раз «папа – волк», то уж о чем ему говорить!

На этом вся дискуссия об унии и завершилась. Царь тут же стал необычайно ласков, утешая, похлопал огорченного иезуита по плечу и на прощание заметил: «Я же тебя предупреждал: если будем говорить о вере, поссоримся».

Кстати, отмеченный в документе факт доверительной ласки по отношению к посланнику Ватикана говорит о многом. Истории известно, что именно так Иван Грозный выражал свое особое расположение. В 1570 году, как свидетельствуют летописцы, он точно так же приласкал герцога Магнуса после окончания аудиенции: похлопал его по плечу и стал уверять в своей любви к немцам.

Вопросы власти. Иван Грозный, Бомелий и Макиавелли

Вторая после богословия тема, особо интересовавшая Ивана Грозного, это вопрос о власти. Он искренне полагал, что является единственным в полном смысле этого слова государем в Европе. Все остальные государи, с его точки зрения, так или иначе зависели либо от своих вассалов, либо от церковных иерархов, либо от какого-то сословия, например от нарождавшегося купечества, либо от каких-либо иных обстоятельств, ограничивавших их власть. В этом Иван IV был прав: такой абсолютной властью, как он сам, в то время не обладал ни один европейский монарх.

Тот же Поссевино в своих воспоминаниях пишет:

С детства русских приучают думать о царе как о Боге и всецело ему подчиняться. На сложные вопросы московиты отвечают присказкой: «Это знают только Бог и царь».

Сам Иван о своих подданных также имел вполне определенное мнение. Однажды в разговоре с иностранцем он заметил, что не надо судить его строго за жестокость: на Западе «государи повелевают людям, а он – скотам».

Любой намек на ущемление его государевых прав и достоинства Иван Грозный воспринимал яростно и не спускал в этом случае никому. Так произошло, например, когда английская королева Елизавета на предложение Ивана о военном союзе и дружбе дала уклончивый ответ, что:

...не будет позволять, чтоб какое-нибудь лицо или государь вредили Иоанну или его владениям, не будет позволять этого в той мере, как по возможности или справедливости ей можно будет благоразумно этому воспрепятствовать.

Отповедь королеве последовала немедленно и была выдержана с точки зрения современного дипломатического протокола в абсолютно неприемлемом тоне. Иван доказывал Елизавете, что та ведет себя не как положено настоящей государыне, что королева на самом деле несамостоятельна в решениях:

...Мимо тебя люди владеют... А ты пребываешь в своем девическом чину, как есть пошлая [обыкновенная] девица.

Столь откровенная грубость объяснялась, правда, еще одним важным обстоятельством. Среди прочего Иван Грозный в величайшей тайне настоятельно предлагал Елизавете взять на себя взаимное обязательство предоставить друг другу в случае необходимости политическое убежище. Формулировка звучала так:

...Если бы кто-нибудь из них по несчастию принужден был оставить свою землю, то имеет право приехать в сторону другого для спасения своей жизни, будет принят с почетом и может жить там без страха и опасности, пока беда минует и Бог переменит дела.

Иван Грозный, развязавший войну против тогдашней политической элиты – старого боярства, предпочитал подстраховаться. В Вологде по царскому распоряжению даже строили суда, чтобы было на чем отплыть в Англию.

Елизавета, подумав, согласилась удовлетворить пожелание Ивана Грозного, но не сочла необходимым оговорить такие же условия для себя, чем необычайно уязвила самолюбивого царя.

Внезапное осложнение в отношениях между Москвой и Лондоном удалось, впрочем, быстро уладить. Обиды были заглажены любезностями королевы, подарками, новыми торговыми договоренностями, поставками в Москву оружия и даже переговорами о возможной женитьбе (между прочим, уже женатого) Ивана Грозного на родственнице английской королевы.

В качестве кандидатуры на роль русской царицы всерьез рассматривалась Мария Гастингс, племянница королевы по матери. Что касается досадной помехи, то есть тогдашней жены Ивана Грозного Марии Нагой, то московская дипломатия разъясняла ситуацию Лондону следующим образом:

Государь наш по многим государствам посылал, чтоб по себе приискать невесту, да не случилось, и государь взял за себя в своем государстве боярскую дочь не по себе; и если королевнина племянница дородна и такого великого дела достойна, то государь наш, свою отставя, сговорит за королевнину племянницу.

Любопытно, что в этих переговорах о сватовстве царь заставил участвовать даже Афанасия Нагого, брата своей жены.

Переговоры о женитьбе шли долго: англичане, зная характер жениха, вопрос затягивали. Сначала русским не разрешали сделать портрет невесты, потому что она якобы переболела оспой. Елизавета писала русскому послу:

Любя брата своего, вашего государя, я рада быть с ним в свойстве; но я слышала, что государь ваш любит красивых девиц, а моя племянница некрасива... да и больна, лежала в оспе.

Посол Писемский, не соглашаясь, отвечал:

Мне показалось, что племянница твоя красива...

Затем в ход пошла другая аргументация. Англичане убеждали царя:

Эта племянница королевне всех племянниц дальше в родстве... а есть у королевны девиц с десять ближе ее в родстве.

В конце концов вопрос о женитьбе заглох.

Многие русские историки убеждены, что западное влияние на Ивана Грозного было значительным. Сергей Платонов, утверждая, что «сам Грозный, с его острым умом и нервной впечатлительностью, подпал под обаяние любопытных пришельцев», приводит немало конкретных свидетельств тесного и неформального общения царя с иностранцами.

Сами иностранцы также любили вспоминать об этом неформальном общении, отмечая не только любезность царя, но и широту обсуждаемых тем: свободно дискутировались не только вопросы политические или торговые, но и философские, богословские, исторические, бытовые. Английский посол Боус, например, вспоминал, как царь, закончив деловую беседу, демонстрировал вещи, привезенные ему голландцами. Снял с руки перстень, чтобы показать гостю, затем хвалился перед Боусом большим изумрудом на шапке, в шутку и всерьез укоряя дипломата за то, что англичане таких хороших товаров ему не возят.

Другой английский посол, Томас Рандольф, сообщает о ночном свидании с царем в феврале 1569 года. Иван Грозный пожелал говорить с ним секретно и вызвал его к себе поздним вечером через доверенного боярина. Рандольф вспоминал:

...Место свидания было далеко, ночь холодная, и я, переменяя свое платье на русское, испытывал от этого большое неудобство. Я говорил с царем около трех часов, к утру я был отпущен и возвратился домой...

Столь тесные контакты с англичанами стали причиной появления среди русских множества кривотолков. Особенную ненависть в народе вызвал прибывший из Англии медик и астролог Елисей Бомелий, человек действительно ловкий, с задатками большого интригана. По общему мнению, Бомелий, гадая Ивану как звездочет, втерся к нему в доверие и стал всерьез влиять на решение многих вопросов при московском дворе. В том числе, судя по всему, на решения, что называется, кардинальные. Современники считали, что именно он изготавливал яды, с помощью которых царь Иван избавлялся от неугодных бояр. Ему же приписывалась и на какое-то время овладевшая царем идея жениться на самой английской королеве Елизавете.

Кончил Бомелий, правда, плохо: он сам стал жертвой придворной интриги. В перехваченной почте медика и астролога нашли текст, напоминавший шифровку. Бомелия пытали, и под пыткой он, судя по некоторым данным, сказал все, что только от него хотели услышать. Сведения о его смерти разнятся. По некоторым из них его казнили в 1580 году, по другим он умер несколько позже. Впрочем, для российской истории это уже не имело значения. Она просто вычеркнула Елисея Бомелия из своих книг.

Десять лет пребывания Бомелия около Ивана Грозного можно считать первым документально зафиксированным случаем «распутинщины» при царском дворе. Платонов пишет:

Известность Бомелия была настолько широка, и слава о его могуществе так шумела, что даже глухая провинциальная летопись того времени повествовала о нем в эпически сказочном тоне.

Согласно летописи, враги Москвы хитростью подослали к царю Ивану Бомелия – «немчина, лютого волхва». Далее летописец подробно повествует о всевозможных злодеяниях, совершенных Грозным не по своей воле, а под воздействием чужеземных колдовских чар. Писатель той эпохи дьяк Иван Тимофеев, резюмируя всю эту историю, констатирует: царь поддался слабости и отдал душу варвару.

То, что тогдашние русские объясняли колдовством, современная история пытается объяснить либо психическим нездоровьем Ивана Грозного, либо его особым представлением о роли государя, своеобразным пониманием того, что есть польза и вред в политике. Недаром некоторые ученые упорно пытаются найти документальные доказательства знакомства Ивана Грозного с творчеством Макиавелли. Действительно, очень многое в мировоззрении и поступках Грозного совпадает с рекомендациями знаменитого флорентийца. Прямых свидетельств, что царь штудировал работы Макиавелли, до сих пор не найдено, но «косвенных улики» хватает.

Любопытно, что московским государям в разные времена и очень разные люди неоднократно приписывали склонность к макиавеллизму. Карл Маркс в «Хронологических записках», говоря о Софье Палеолог, называет ее мужа, то есть деда Ивана Грозного – Ивана III, «великим макиавеллистом».

Естественно, влияние идей Макиавелли на Ивана Грозного могло быть и не прямым, а опосредованным. Следует учитывать, что Макиавелли приписывали множество идей и афоризмов, к которым он никакого отношения на самом деле не имел.

В действительности основная мысль флорентийца сводилась лишь к тому, что в реальной жизни нравственным часто оказывается вовсе не тот государь, что слепо почитает десять заповедей, а тот, кто на деле обеспечивает подданным мир и процветание. Аморальным правителем может оказаться, таким образом, как раз тот, кто, спасая собственную душу, губит – во имя своего личного покоя – души и судьбы других. Политика и нравственность, по Макиавелли, не противоречат друг другу, но и не находятся в прямой зависимости.

Этот сложнейший вопрос, только обозначенный самим Макиавелли, его последователи и критики без особых колебаний решили за него, заменив осторожный пунктир жирной линией. Сомнение со знаком вопроса было преобразовано в утверждение с восклицательным знаком. В результате вышло, что политика (якобы по Макиавелли) может быть лишь безнравственной и коварной, государь – жестоким, а цель всегда оправдывает средства.

Характерно, что незадолго до воцарения Ивана Грозного на Русь проникло своеобразное сказание о «праведном тиране» – «Повесть о Дракуле», где влияние идей Макиавелли (или, вернее, мифического Макиавелли) просматривается легко. Создателем повести считается дьяк Федор Курицын, дипломат, побывавший в Венгрии и Молдавии. В этой повести Дракула изображен государем, который добивается установления совершенного и справедливого порядка путем устрашения своих подданных невиданной жестокостью, что в конце концов приносит добрые плоды:

В пустынном месте, где протекал горный источник с прекрасной ключевой водой, Дракула велел оставить золотую чашу, и никто не смел ее унести. Иноземный купец мог спокойно ночью оставлять свои товары посреди улицы – Дракула ручался за безопасность его имущества.

Труд Курицына – очевидная подсказка власти не стесняться в средствах для искоренения зла.

Любопытен в связи с этим комментарий историка Якова Лурье, считавшего Ивана Грозного воплощением Дракулы в XVI столетии. Он пишет: «Дьяволом можно грозить, но вызывать его не следует».

Не вполне прояснена степень влияния на Ивана Грозного еще одного «макиавеллиста» того времени – публициста и профессионального наемника, русского дворянина Ивана Пересветова, служившего многим государям в Западной Европе. Он подал царю челобитную с подробным изложением государственных реформ, где также легко найти отголоски различных мыслей о политике, высказанных когда-то флорентийцем.

Исследователи отмечают сходство предложенных Пересветовым реформ с тем, что на деле осуществило потом правительство Ивана Грозного. Есть даже любопытная версия о том, что подлинным автором проекта реформ являлся сам царь, он лишь воспользовался именем реального дворянина, подавшего ему челобитную.

Как бы то ни было, очевидно, что и в мыслях, и в политической практике московского государя прослеживается определенная связь с Макиавелли. Эту связь можно увидеть даже в читательских предпочтениях (царь Иван, как и Макиавелли, особенно любил Тита Ливия).

Похоже, речь здесь действительно идет о влиянии (прямом или, скорее, опосредованном) флорентийца. Если же нет, значит, это как раз тот случай в истории, когда на Руси с некоторым хронологическим отставанием от Запада был самостоятельно изобретен свой собственный, в данном случае политический, «велосипед» системы Ивана Грозного, весьма напоминающий «велосипед» Макиавелли. Кстати, этим «велосипедом» системы Грозного, судя по заметкам в книгах, очень интересовался еще один российский правитель – Иосиф Сталин.

Был ли по-азиатски жестокий Иван Грозный первым русским западником? Современники Грозного, осуждавшие царя за слишком тесные, с их точки зрения, контакты с иноземцами, безусловно, считали государя таковым.

Если же следовать логике Николая Бердяева, то Ивана Грозного следует считать скорее одним из первых русских патриотов-«европейцев»: царь, хотя и увлекался Западом, относился к иноземцам критически и сам решал, что стоит у них брать, а что нет.

«Разум самовластен, стесняет его вера!»

То, что было позволено московским государям, естественно, не могло быть позволено низам. Их мнение, каким бы оно ни было, априори почиталось греховным – достаточно того, что «все знают Бог и царь».

Самодержавие, при котором все подданные царя только рабы, плюс вера, проникнутая средневековым формализмом и начетничеством, создавали атмосферу, где мог задохнуться любой мало-мальски думающий человек. Царь и православная церковь – два священных табу, не подлежащих ни критике, ни сомнению, к XV веку довели Русь до состояния оцепенения. Душная атмосфера того времени, как пишет один из историков, предвещала грозу.

Черная туча и пришла с Запада через Новгород: это была чума, круто сломавшая весь привычный ход жизни, заставившая людей в ужасе содрогнуться и задуматься. Прежде всего, естественно, о душе. Не случайно, что вслед за «черной смертью» с того же Запада приходит на Русь и первая ересь – движение так называемых стригольников. Историк Михаил Сперанский пишет:

... Движение по форме, естественно, религиозное, но по сущности – экономическое и умственное, идейное; в основе его лежит первая попытка подавленного и осужденного на бездействие ума заявить о своих правах на участие в жизни общества.

Новгородский стригольник, по мнению Сперанского, по направлению мыслей весьма похож на своего западного «крестового брата», гейслера, флагелланта-самобичевателя. Он не признает иерархии, священства, ибо они «на мзде поставлены», то есть ищут материальной выгоды, а не духовного очищения.

Стригольники прямо обвиняли церковь в лихоимстве и считали, что настоящий храм должен быть в душе каждого истинного христианина. Отсюда вывод: не надо духовенства, не надо церквей, воздвигаемых человеческими руками. Часть еретиков идет еще дальше и высказывает сомнение в существовании не только рая и загробных мук, но и вообще загробной жизни.

Влияние западноевропейского рационализма на движение стригольников по крайней мере вероятно. Информация об этой первой русской ереси весьма скудная, поэтому что-либо определенно утверждать трудно. Если же это не влияние Запада, следовательно, мы вновь имеем дело с изобретением очередного русского, теперь уже религиозного, «велосипеда».

Движение стригольников, докатившееся до Москвы, если судить по летописям, довольно быстро подавили. По выражению патриарха Антония, еретики «мнили себя головой, будучи ногою, мнили себя пастырями, будучи овцами». То есть церковь твердо указала народу на его место и объяснила, чего он стоит.

И все же первое табу – непререкаемость авторитета православной церкви – еретикам удалось поколебать. Уже в XVI веке в том же Новгороде возникает новая ересь, по своим идейным установкам очень похожая на стригольников. Эта ересь, получившая название «жидовская», поскольку первоначально среди ее сторонников были литовско-еврейские выходцы с Запада, проповедовала все тот же рационализм и критиковала старые порядки. Ничего от иудаизма ересь не имела, так что само слово «жидовствующие» сути движения не отражает.

В самом начале ересь охватила наиболее просвещенных духовных лиц того времени. Самыми активными ее пропагандистами стали два священника – Алексей и Денис, а затем целый ряд новгородских священников и дьяконов во главе с Гавриилом – протопопом главного новгородского храма Святой Софии.

Михаил Сперанский пишет:

Уже это одно обращает на себя внимание: критиками и отрицателями-рационалистами были люди наиболее развитые, более других чувствовавшие мертвящую тяготу режима, а затем новгородцы, уже раньше вкусившие соблазна рационализма, легче доступные западному в своей основе рационализму и наиболее самостоятельно относившиеся к московской правительственной и духовной опеке.

Новые еретики-западники, как в прошлом и стригольники, отрицали иерархию и лишь для облегчения пропагандистской работы рекомендовали своим священникам-прозелитам не снимать с себя сан. Как и их предшественники, новые еретики отрицали монашество, церковную обрядность («можно молиться и дома») и загробную жизнь («умер человек, по те места и был»). Так же резко критиковали официальную церковь за взяточничество и приверженность к материальным благам.

Характерен афоризм, бытовавший в среде новых еретиков: «Разум самовластен, стесняет его вера». Как быстро и далеко ушли извечные бунтари новгородцы от вчера еще, казалось, незыблемого на Руси постулата: мнение уже есть грех.

Интересно, что высшее московское духовенство довольно долго, лет десять, игнорировало тайное учение, хотя ересь уже давно обосновалась в Москве и, более того, проникла в царские палаты. Историк Сперанский указывает:

Иван III в 1480 году, прельщенный образованностью и умом Алексея и Дениса, берет их в Москву, где они, близко стоя к князю и высшим, сравнительно более культурным сферам, быстро прививают свое учение, опять-таки среди лучших людей того времени.

Среди приверженцев ереси – автор «Повести о Дракуле» Федор Курицын, дьяк Зосима, занявший вскоре митрополичий престол, известный в те времена книжник купец Кленов и многие другие влиятельные на Руси люди.

Распространению ереси способствовало и еще одно обстоятельство: приближался 7000 год от сотворения мира (1492 год), считавшийся роковым. С ним связывали конец света и ждали второго пришествия Христа. Если учесть ряд предшествующих событий: падение Царьграда, голодный мор и чуму, ряд мистических видений, посетивших известных на Руси «святых старцев» (все это истолковывалось как страшное предзнаменование), наконец, существование готовой пасхалии только на семь тысяч лет, то есть до 1492 года, легко понять средневековый апокалиптический ужас, охвативший людей в связи с наступлением круглой даты.

Единственные, кто проявлял в этот момент выдержку и сохранял присутствие духа, были как раз еретики, говорившие о ненадежности самого источника страха – эсхатологических писаний, на которые опиралась старая школа православия. Когда наступил 1492 год и небо при этом, как и предсказывали еретики, на людей не обрушилось, многие еще больше поверили словам новых проповедников.

Крупнейший русский исследователь вопроса о ереси «жидовствующих» Сперанский делает следующий вывод:

Новое направление – рационалистическое – выводило жизнь на новый путь, путь западноевропейской культуры. Путь этот пройден был шагом медленным и привел к цели, приобщению русского общества к общей с Западом жизни, лишь в XVIII веке; в XVIII веке стало уже ясно, что другого пути в нашем развитии и быть не может, в XVII это чувствовалось, но ясно не сознавалось еще, а в XVI еще ставился вопрос о самом пути,

о правильности его, о самом его существовании для Московской Руси. Проследить постепенное водворение западных начал в нашей жизни и значит проследить историю этого идейного движения.

Принцип слепой веры каждой букве старинных писаний, почитавшихся Божественными, дал трещину и начал разваливаться. Один из самых крупных церковных авторитетов того времени Нил Сорский, принципиальный противник ереси, сам встал отчасти на путь рационализма, заявив, что «писаний много, но не все они Божественны». Он первым из представителей традиционного православия вслух заговорил о необходимости разумного подхода к изучению писаний.

Ересь как двигатель прогресса

Ересь стригольников заключала в себе некоторые внешние черты, роднившие ее с западным рационализмом. Последующее движение уже отчетливо несет на себе следы связи с Западом. «Если не прямо с Западом эпохи Возрождения, то с ее отзвуками, хотя, может быть, не лучшими, не передовыми», – пишет Сперанский.

Уже первые идейные столкновения между еретиками и традиционалистами показали абсолютную неподготовленность ортодоксов к серьезному разговору. Именно «жидовствующие», как это ни парадоксально, способствовали появлению на Руси полной Библии. К моменту появления ереси у православных не оказалось даже полного перевода Библии на славянский язык, пять веков они прожили лишь с отрывками из Ветхого Завета, гордо претендуя при этом на право быть Третьим Римом!

В поисках надлежащего инструментария для борьбы с еретиками иерархам православной церкви пришлось обратиться к западноевропейской культуре: первая полная русская, так называемая Геннадиевская, Библия 1499 года появилась на свет благодаря выходцам с Запада и была подготовлена на основе западных источников. Вообще все основное идеологическое оружие, использованное в борьбе с ересью, почерпнуто православными иерархами в Европе и переведено с латыни. Толмач Дмитрий Герасимов переводит, например, книгу западного богослова Николая Делира «Прекраснейшее состязание, иудейское безверие похуляющее», трактат «Учителя Самуила евреянина слово обличительное» и Псалтырь в толковании Брунона Вюрцбургского.

Благодаря ереси и новым росткам рационализма на Руси у русских появилась возможность познакомиться не только с богословскими, но и с некоторыми научными произведениями западных авторов. Среди переводов, сделанных рационалистами, можно найти средневековые труды по логике и ряд астрологических сочинений. Пусть все это были труды не самого высокого уровня, но и они значительно расширили кругозор русского человека. Без преувеличения можно утверждать, что именно с этого времени в Московском государстве появляются первые зачатки научной мысли, во всяком случае русские люди делают первые попытки взглянуть на мир по-новому, а не в русле старой церковной догмы.

С этого же времени Русь распадается на прогрессистов – сторонников реформ и сближения с Западом – и на консерваторов, всеми силами стремящихся загнать «джинна рационализма» назад, в замшелую бутылку дедовских традиций.

Первые ведут огромную черновую работу, постепенно увеличивая число переводных книг, как научных, так и книг для чтения. Весь этот поначалу малый ручеек, а затем поток капля за каплей начинает постепенно разбивать твердокаменный русский догматизм.

Консерваторы в отчаянии делают всё, чтобы защитить старину, доказать вредность западных идей и убедить людей в том, что причины всех бед не в закостенелости прежних воззрений, а, наоборот, в пренебрежении ими. Митрополит Макарий собирает, пересматривает московскую святыню, чтобы она, как пишет Сперанский, «стройная и внушительная по объему, убедила всякого сомневающегося, насколько Русь оправдала и заслужила свое великое назначение».

Соборы 1547 и 1549 годов канонизируют в массовом порядке новых святых угодников, ревизуют старые, более ранние канонизации. В противовес изданиям рационалистов появляется созданный митрополитом Макарием свод книг, разрешенных для чтения, «все книги святыя, на Руси чтымыя». Этот манифест консерватизма – «Великие Четьи минеи» – в России запомнят надолго, так же как и появившийся в то же время Домострой – угрюмый свод средневековых правил, согласно которому русскому человеку предписывалось строить повседневную жизнь.

Усилия консерваторов активно поддерживает власть, сообразившая, что вслед за одним табу, церковным, может пасть и другое табу – слепая вера в монарха. Сам Иван Грозный («английский царь» и «первый европеец» на Руси) решительно борется против ереси и рационализма в православии. Не пытаясь даже обосновать злобредность книг рационалистов, власть составляет один за другим списки запрещенных изданий. И все равно проигрывает. Несмотря на гонения, рационализм уже пустил очень живучие корни.

Медленно, очень медленно, но западное влияние начинает сказываться в самых разных областях жизни русских. Спор идет уже не о том, нужна или не нужна наука, а о том, какой в своей основе она должна быть: западно-католической или восточно-греческой. О том, какое из двух западных направлений предпочтительнее, спорят сторонники латинизма и эллинизма.

И те и другие, как отмечают многие историки, борются в принципе за одно и то же – за просвещение, обе стороны мечтают организовать наконец в Москве настоящую, «правильную» школу. Не церковную школу, что готовит кадры для своих же нужд, а светскую, которая стала бы очагом научных знаний на Руси. Для большинства эллинизм в силу традиции пока еще кажется предпочтительнее.

Впечатляют перемены в литературе. Несмотря ни на какие запреты, она быстро пополняется западной продукцией. В библиотеке тогдашнего книжника можно было встретить поучительные повести вроде «Великого зеркала» и «Римских деяний», польские хроники, расширявшие представление русских о мировой истории до европейского объема, рыцарские и любовные романы, различные учебники, например по военному и горному делу.

В сроки, вполне сопоставимые с общеевропейскими, в России издали и «Космографию» фламандца Герхарда (Герарда) Меркатора – лучшую на тот момент книгу подобного рода, содержащую элементы политической и экономической географии. На этом примере можно увидеть, что русские переводчики уже критически подходят к ряду изданий, над которыми трудятся, внося существенные дополнения от своего имени. Переводчик, работавший над «Космографией», делает в книге ряд исправлений и дополнений, касающихся Англии. Образованные русские люди к тому моменту уже неплохо знали эту страну.

Ересь породила русское просвещение и новых русских людей, оказавшихся способными создать предпосылки для решительного прорыва к настоящей европейской цивилизации.

О них известно гораздо меньше, чем о Петре Великом, но именно они, эти новые люди в старой России, и взнуздали коня, на котором гордо гарцует в Санкт-Петербурге Медный всадник.

«Ах, герцог Ганс, утешение мое!»

После смерти Ивана Грозного и восшествия на русский престол слабого Федора, посвящавшего весь свой досуг молитвам, реальным правителем России стал шурин нового царя Борис Годунов.

Годунов, во многом воспитанник Грозного, оставив в прошлом тиранический характер правления своего предшественника, унаследовал от него огромный интерес к иностранцам и откровенную расположенность к Западу. Буквально все воспоминания того периода свидетельствуют о необычайной любезности Годунова по отношению к иностранцам – сначала в качестве премьера правительства, а затем, после смерти Федора, с которой прервалась династия Рюриков, в качестве законно избранного собором царя².

В прошлое ушли все запреты на выезд из страны прибывавших на службу в Россию иноземцев. Для иностранной торговли власть создала режим наибольшего благоприятствования. При этом, строго ограждая русские интересы, Годунов сумел удовлетворить всех непримиримых конкурентов, в частности англичан и голландцев.

Он, так же как и Грозный, не дал англичанам эксклюзивного права на пользование северными гаванями, о чем они снова просили, но при этом оказал им такую массу второстепенных услуг, что те были от нового русского правителя в восторге.

Точно такая же политика проводилась и по отношению к другим иностранным купцам. Всем русским послам поручили разъяснять, что торговать на Руси теперь можно свободно, без каких-либо притеснений, «по своей воле» и что теперь при Годунове «всем добро на Москве». Ни при одном русском царе так спокойно и благополучно не жила и Немецкая слобода.

С эпохи Годунова можно отсчитывать, пожалуй, и появление в России первого иностранного туриста. Именно при нем зачастили в Москву иностранцы без особого дела, просто посмотреть на загадочную страну. Русский посол в Англии Григорий Микулин о таких гостях писал, что они «ездили по разным государствам для науки и посмотреть в государствах обычаев, своею вольностью».

Борис не только продолжил практику приглашения в страну иноземных специалистов, но и всерьез прорабатывал вопрос об открытии в Москве университета. При нем же была предпринята первая, правда неудачная, попытка отправить группу молодых русских дворян за рубеж на учебу. Точно известно о посылке в Любек пяти человек и в Англию – четырех. По другим источникам, при Годунове направили учиться «накрепко грамоте и языку» восемнадцать человек, по шести в Англию, Францию и Германию.

Ни один из уехавших пользы России не принес: кто-то умер, кто-то оказался бездельником, а кто-то, наоборот, блестяще закончив обучение, был востребован на Западе и не захотел возвращаться на родину. Несмотря на предпринятые дипломатические усилия, вернуть отступников домой не удалось.

Борис-царь, в отличие от Бориса-премьера, вообще оказался неудачником, будто злой рок начал преследовать его после восшествия на престол. Неудачи сопутствовали ему и во внутренней, и во внешней политике.

Безуспешно, например, закончилась его попытка сыграть на возникших в тот момент противоречиях между Польшей и Швецией. Москва вела переговоры и с той и с другой сто-

² Некоторые, правда, в этот династический ряд Рюриковичей добавляют еще и Василия Шуйского. Что, на мой взгляд, спорно. Он действительно из них, но, во-первых, не по прямой царской линии – он принадлежал к суздальской ветви, а, во-вторых, в промежуток между Федором и Шуйским вклиниваются Борис Годунов и Лжедмитрий. Да и царствовал Шуйский в разгар Смуты, когда разговор о какой-то государственности на русской земле, как увидим, весьма условен.

роной, пытаясь блефовать и шантажировать партнеров по переговорам: полякам говорили о скорой договоренности со шведами, а шведам – о неизбежной договоренности с поляками.

Целью дипломатической игры являлось возвращение Московскому государству хотя бы части старинных русских земель, в первую очередь Ливонии, что открывало выход к Балтийскому морю.

У партнеров по переговорам были, однако, свои планы. Вместо условий вечного мира, на чем настаивали русские, польский посол Лев Сапега предложил Москве план такого союза, который фактически вел дело к слиянию двух государств в одно. Причем Польша, как и прежде, главной своей задачей считала унию церквей. Согласно этому плану, предусматривалось разрешение на свободный въезд католических священников на русские земли, строительство католических храмов и другие меры, способные открыть Ватикану дорогу на Русь.

Все эти пункты польского плана, как, впрочем, и вопрос о Ливонии, вызывали в ходе переговоров столь бурные дебаты, что дело доходило чуть ли не до драк. Вот лишь один фрагмент из записи переговоров. Думный дворянин Татищев говорил польскому послу: «Ты, Лев, еще очень молод, ты говоришь все неправду, ты лжешь». В ответ разъяренный Сапега отвечал: «Ты сам лжешь, холоп, а я все время говорил правду, не с знаменитыми бы послами тебе говорить, а с кучерами в конюшне, да и те говорят приличнее, чем ты». И так далее и тому подобное. Ясно, что столь непродуктивный дипломатический диалог к успеху привести не мог.

Сам царь Борис очень хотел укрепить свои связи с Западом, породнившись с европейской династией, и предпринял немало усилий, чтобы выгодно выдать замуж свою дочь Ксению. И здесь, однако, его преследовали неудачи. Шведский королевич Густав, приглашенный в Москву в качестве потенциального промосковского правителя Ливонии, оказался человеком легкого поведения, привез с собой любовницу и не желал с ней расставаться, несмотря на предстоящую свадьбу. В результате получил отказ и отправился домой.

Датский королевич – герцог Голштинский Ганс, – наоборот, чрезвычайно понравился Годунову, но через полтора месяца по прибытии в Москву заболел и умер. Датский посол свидетельствовал о необычайно ласковом отношении Бориса к посольству и его искренней печали в связи с кончиной жениха. По словам посла, у гроба герцога Борис Годунов плакал и причитал: «Ах, герцог Ганс, свет мой и утешение мое! По грехам нашим не могли мы сохранить его!»

Смута. Гости в роли хозяев

«По грехам нашим» – говорил Борис и, может быть, не зря. Правление Годунова омрачилось страшным пятном – загадочной смертью царевича Дмитрия, сына Ивана Грозного от пятого брака.

Официальное заключение – что царевич убил себя сам: во время игры с ножом у него якобы случился приступ падучей и он в конвульсиях нанес себе удар в горло – мало кого убедило. На гребне самых разнообразных слухов и возник самозванец, заявивший, что он и есть настоящий царевич Дмитрий, чудом уцелевший после покушения.

История того трагического времени, последовавшая после смерти Годунова и занятия Москвы самозванцем, получившая в летописях название Смуты, достаточно известна. Ниже речь пойдет лишь о роли, сыгранной в этой трагедии иностранцами, и о том, как Смута повлияла на отношение русских к Западу.

Самую видимую и активную роль в деле Лжедмитрия играла Польша – старый противник Московского государства, а главным мотивом, двигавшим поляками (помимо очевидных экспансионистских интересов), было стремление с помощью Лжедмитрия осуществить давнюю мечту Ватикана – насадить на Руси католицизм.

Сам Лжедмитрий – по наиболее распространенной версии некто Григорий Отрепьев, бывший православный монах, отчего и получил в народе прозвище Расстрига, – бежал в Польшу, перешел в католичество и там, провозгласив себя царевичем, начал формировать отряд для похода на Москву. Эту версию подтверждают и иезуиты, известные своей осведомленностью. В «Историческом исследовании Литовского общества иезуитов» в 1603 году утверждалось:

Некто Дмитрий, настоящее имя Гришка, то есть Григорий, присвоил себе имя Дмитрий. Под чужой личиной он бежал из Московии к полякам.

Факт подлога иезуитов ничуть не смутил, слишком большим оказался соблазн воспользоваться ситуацией, а потому они стали помощниками Лжедмитрия во время его похода на Москву. Граф Дмитрий Толстой писал:

При нем находились два иезуита, Николай Черницкий и Андрей Лавицкий, но он употреблял их для дипломатических сношений, а вовсе не для распространения в России римско-католической веры.

Это верно, но дело объяснялось не отсутствием религиозного пыла у пана Черницкого и пана Лавицкого. Организаторов похода изрядно разочаровал и подвел Лжедмитрий. Как выяснилось, самозванец-расстрига к вопросам веры относился легковесно, питая равнодушные как к православным, так и к католическим традициям. В результате, когда он уже сидел на московском троне, русские пеняли ему на то, что он «ополячился» и не соблюдает православных обычаев, а поляки сетовали, что «царь» снова начал жить не как католик, а как православный.

В его дворцовой страже легко уживались представители разных национальностей, стран и религий. Элиту телохранителей составляли три отборные сотни наемников. Первой командовал француз Маржерет, типичный авантюрист, служивший до того Генриху IV во Франции, германскому императору, польскому королю и царю Борису. Две другие сотни возглавляли немец Кнутсен и шотландец Вандеман. Самозванец одинаково жаловал и поляков-папистов, и немцев-протестантов.

Так же легко проскользнув между православием и католицизмом, Лжедмитрий организовал и свою свадьбу с полячкой Мариной Мнишек, не пожелавшей, несмотря на русские традиции, при вступлении в брак с «русским царем» принять православие.

Как свидетельствуют очевидцы, Лжедмитрий вышел из затруднительного положения, устроив перед церковным венчанием особый чин обручения во дворце, а затем в Успенском соборе совершил невиданный прежде на Руси обряд коронования царицы с миропомазанием, что и должно было заменить акт присоединения Марины к православию. За коронаванием последовала обедня, а за обедней свадебный обряд, причем оба, и жених и невеста, уклонились от причастия, и, таким образом, невеста оказалась не воссоединенной с православной церковью.

Простые русские люди всей этой запутанной мошеннической операции, естественно, не поняли, и, если бы не подробные объяснения специально посланных в народ слуг князя Василия Шуйского (тот готовил заговор против самозванца, чтобы самому сесть на престол), большинство осталось бы в уверенности, что все прошло как положено.

Впервые в русской истории западные иноземцы явились в Москву не по приглашению и не как люди зависимые, а как главные действующие лица. Впервые Москва заполнилась католиками, впервые московский двор начал жить не по русским, а по западным, точнее польским, законам. Впервые иностранцы стали помыкать русскими как своими холопами, демонстративно показывая им, что они люди второго сорта.

История пребывания поляков в Москве – а самозванец привез с собой огромную свиту, оккупировавшую весь центр города, – полна издевательств незваных гостей над хозяевами дома. Это зафиксировано не только в русских источниках, но подтверждено и многими свидетельствами иностранцев, в том числе поляками. Один из них, некто Мартын Стадницкий, бывший все это время в Москве, откровенно пишет:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.